

АЛЕКСАНДР
ПОЛЮХОВ

СИРИЙСКИЙ ГАМБИТ

ОПЕРАЦИЯ «МЕРТВАЯ РУКА»

ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА

Внешняя разведка (Книжный мир)

Александр Полюхов

**Сирийский гамбит.
Операция «Мертвая рука»**

«Книжный мир»

2016

Полюхов А. А.

Сирийский гамбит. Операция «Мертвая рука» / А. А. Полюхов — «Книжный мир», 2016 — (Внешняя разведка (Книжный мир))

ISBN 978-5-8041-0831-2

Несколько лет назад, в один далеко не самый прекрасный день, «мертвая рука» давно лежащего в могиле шефа советского КГБ хватается Матвея Алехина и переносит его в центр большой игры сильных мира сего. Задача отставного разведчика, ни много, ни мало — найти пресловутое «золото партии». Карт-бланш на любые действия отставному подполковнику КГБ дается на самом высоком уровне. След, оставленный покойным начальником, ведет Алехина в Сирию. Дорога к сокровищам не только закладывает головокружительные виражи приключений, рядом с которыми бледнеют похождения знаменитого «агента 007», но и вымощена трупами и чужих, и близких ему людей. В книге даются объяснения событий поистине мирового значения, чья закулисная сторона до сих пор остается загадкой не только для простого человека, но и для многих капитанов большой политики. Почему и как умер в Лондоне опальный олигарх? Что стало причиной громких убийств в Москве? Чем вызвана военная активность России и США в Восточном Средиземноморье? Именно здесь — в Сирии, Израиле, на Кипре — по желанию главного героя книги, тугим узлом были стянуты воедино интересы и судьбы агентов ведущих разведок мира, эмиссаров мирового джихада, разыгрались кровавые события, ставшие прелюдией к современной войне на Ближнем Востоке, которая грозит перерасти в мировую бойню. Книга без сомнения достойна прочтения. Сюжет, язык, знакомство автора с тонкостями работы СВР, ЦРУ, МІБ — выше всяких похвал. А грамотный читатель к тому же получит из книги те знания, которые воистину являются силой. Или властью — если точно переводить с английского всем известный афоризм Френсиса Бэкона. А уж верить этим ответам или нет — личный выбор каждого. Мы ведь свободные люди в свободной стране, не правда ли?

ISBN 978-5-8041-0831-2

© Полюхов А. А., 2016

© Книжный мир, 2016

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	51
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александр Полохов
Сирийский гамбит
Операция «Мертвая рука»

© А. А. Полохов, 2016

© Книжный мир, 2016

Пролог

Бриз гнал облака: словно неизвестные континенты и острова появлялись и исчезали на небесной карте. На запад простиралось окрашенное густой синькой Средиземное море, на восток тянулись пляжи, декорированные белыми домиками и зелеными пальмами. Экипаж в шортах и майках наслаждался утренним солнцем. Изредка даже до рубки долетали взрывы хохота. Напрягались только на мостике и в машинном отделении – плавмастерская российского ВМФ вышла для проверки дизеля. Оставались считанные недели до перехода к родным берегам – заканчивалось шестимесячное дежурство в чужих краях. Крик вахтенного поднял на ноги всех: «Справа по борту, 20 градусов, 8 кабельтовых! Люди... точнее, трупы дрейфуют!»

– Сколько? – отозвался с мостика кэп.

– Много.

– Скоро будет еще больше, – прозорливо предположил офицер флотской разведки, под видом старпома собиравший информацию о военной активности в регионе. – Хорошо бы, только арабские. Командир, пусть радист передаст координаты властям порта. Не советую подходить ближе – тела могут быть заминированы. Вы же знаете местные привычки.

Веселье на палубе стихло, закончилась мирная экскурсия. До сих пор война собирала жатву смерти на суше. Похоже, наступал черед моря.

Глава 1

Ново-Огарево

Глядя на ложку с манной кашей, Президент не сразу понял, почему любимая еда не лезет в рот. Явных причин вроде бы нет. Здоровье в порядке и спортивная форма в норме. Ночная тренировка по хоккею – недавнее увлечение – прошла весело. Шесть часов сна достаточно для спортивного мужчины, привыкшего к серьезным нагрузкам. Поутру успел решить срочные вопросы, размялся и поплавал в бассейне. Отставил кашу, взял творог, добавил ложку меда. Увы, завтрак уже испорчен – раздражение угнездилося в голове. Так, в чем же загвоздка?

И тут мозг услужливо подсказал: первая половина дня занята работой с документами. Лидер понимал необходимость, но не любил долгую возню с бумагами. Предпочитал общение с людьми, когда можно вживую получить информацию, оказать влияние на собеседника, на ходу принять решение. Ему всегда не хватало времени, часто приходилось опаздывать, каждую минуту требовалось экономить. Даже в Кремль старался ездить реже, чтобы не терять двадцать минут на стремительную гонку по Рублевскому шоссе и Кутузовскому проспекту. Сейчас предстояло перелопатить кипу проектов, справок, докладных. Потратить лучшие часы, когда голова свежа и глаз не замылен. Мужчина вздохнул, встал из-за стола и, одарив куском сыра, почесал за ухом любимого лабрадора.

Утекали часы, за окнами загородной резиденции солнце уже переместилось за реку. В кабинете уменьшилась гора красных папок, и государственные проблемы перешли из письменной формы в устную. Настал черед приема посетителей – интеллектуального поединка с подданными. Особенно нравилось управлять страной в ручном режиме, физически ощущать выстроенную вертикаль власти через общение с высшими чиновниками. Чертовски приятно, когда слово, сказанное губернатору из провинции, материализуется где-то далеко от Москвы или команда, отданная главе ведомства, воплощается по всей России, а то и за её пределами. Оживившийся хозяин Ново-Огарево первым пригласил Директора внешней разведки, прибывшего с еженедельным докладом.

Протокольной ТВ-съемки не требовалось, чай накрыли на веранде, под пологом соснового леса. Заложивший в XIX веке усадьбу великий князь Сергей Александрович выбрал идеальное место – рядышком Москва-река и «царская дорога» из Кремля в Саввино-Сторожевский монастырь, что под Звенигородом. Когда-то поблизости добывали серебро, из которого в Рублево «рубили рубли». Потом в окрестностях завели дачи советские вожди, которых нынче сменили капитаны политики и бизнеса.

Президентскую резиденцию ограждала шестиметровая стена, а также инженерно-технические средства и сотрудники Федеральной службы охраны. Среди вековых деревьев на сотне с лишком гектаров затерялись спорткомплекс, конюшня, церковь. Не попадали в поле зрения вертолетодром, гаражи, помещения охраны и обслуги. Ниже уровня земли спрятались узел связи, подземный бункер и укрытие для танка «Ладога» – высокозащищенного транспортного средства. Его создали для Горбачева на закате СССР, когда угроза ядерной войны ощущалась отчетливо.

Ныне страна сталкивалась с иными вызовами и проблемами, и бывший офицер разведпарата КГБ в Германии внимательно отслеживал пульс глобальной политики, глубоко осознавая, насколько успехи и неудачи России зависят от действий её не и противников. Собратьев по оружию не осталось. Как и в царские времена, Россия могла рассчитывать на двух союзников: армию и флот. Со временем добавились авиация и ракетные войска, однако перевооружение затягивалось, а международные кризисы накатывали один за другим. Да, и внутри страны не всё ладно, так что спецслужбы без работы не скучали.

Доклад проходил удачно, и в конце гость, чувствуя доброе настроение руководителя, воспользовался ситуацией.

– Тут список пятерых оперработников, которых просим отметить правительственными наградами, – протянул представление Директор.

– Ну, эта четверка отличилась по кавказской теме, с ними понятно. А кто такой пятый и что за операция «Квитанция»? К тому же ваш кандидат в отставке. Объяснитесь.

– Алехин Матвей Александрович – сотрудник советской резидентуры в Стокгольме, прикрывавший в 1988 году вывод наших войск из Афганистана. Ему удалось склонить главаря моджахедов Ахмад Шаха Масуда к перемирию. Для подкупа использовал обработанные радиоактивным изотопом тамошние деньги, чтобы враг смог ими распорядиться лишь после ухода советской армии. Получил тяжелое ранение.

– Того самого Масуда?! Удивительная история, не слышал. Почему представляете к награждению только теперь?

– Тогда его чуть не выгнали со службы. Сверхсекретное дело в наших архивах отражено лишь частично. Если кратко, то разведчик и его непосредственный руководитель – Адмирал – не выполнили устного указания верхушки КПСС и не пустили в ход бактериологическое оружие. Полковнику удалось спрятать опасный груз в горах Гиндукуша. Недавно его нашла частная военно-охранная компания из США, о чем сообщил афганский агент, завербованный еще тогда Алехиным. Нам пришлось срочно принимать меры по изъятию заразы. Чтобы избежать осложнений...

– Вы провели боевую операцию в глубине афганской территории против американцев? – повысил голос Президент.

– Собственно провел Алехин, которого нам пришлось э. склонить к возобновлению сотрудничества, – собеседник чуть смутился. – Он же владел всеми подробностями, установил нужные связи. Обошлось без эксцессов. Расходы минимальные. Оружие уничтожено. Жертв нет.

– У вас не хватает действующих сотрудников? По-моему, бюджет службы позволяет обходиться без пенсионеров. Или я ошибаюсь? – раздраженно поинтересовался глава государства.

– Используя ветерана, мы были в состоянии дистанцироваться от «Квитанции», если бы ситуация развивалась неблагоприятно. К тому же удалось выявить «крота» в конторе. Вот справка.

– Кто еще имеет доступ к материалам и знает Алехина?

– С ним взаимодействовал товарищ Чудов – мой заместитель, который и готовил представление. Полковник, вероятно, известен руководителю вашей Администрации – они служили в одном отделе. В госорганах, банках и компаниях работают многие сослуживцы товарища Грига.

– Как вы сказали? Товарищ Григ? – национальный лидер шумно вдохнул воздух и ошутимо напрягся. Тонкие губы под длинным носом сжались в линию. Глаза остекленели в ожидании ответа.

– Старый оперативный псевдоним. А что?

– Возможно, захочу встретиться с Григом и Чудовым. Недели через две. Время и место определяю позже. Представление на награждение оставьте пока в Администрации.

– Будет исполнено. Правда, Матвей Александрович весьма критически относится к госструктурам...

– Я и сам критически отношусь. Или вы не заметили? Можете идти.

Закончив прием, Президент читал отчеты о старой и новой операциях. Потирая виски и покачивая головой, национальный лидер не мог сдержать чувство профессиональной гордости за коллегу, которого никогда не встречал, хотя и сам когда-то служил в Первом главном управлении КГБ. Сильная личность безошибочно чувствовала уровень силы в других. «Не позави-

дуешь тем, кто столкнулся с таким разведчиком на оперативном поле, – почему-то мурашки пробежали по загривку. – Дважды в одиночку попер против своих и чужих оппонентов. И победил. Практически не имея шансов на успех. Везучий».

Отчего-то вспомнилось, как сам выступил против пораженцев из ельцинского окружения и вопреки всему начал военную кампанию против кровавого режима Ичкерии. Как после победы появились союзники, как росло число приспешников. Но лишь единицы из них прошли через тот огонь и грязь. Как нынешний руководитель Администрации. Пожалуй, только на него и можно положиться, да и то, как говорится, лишь «в части касающейся». «Интересно, что тот скажет про новоявленного Алехина»? Вдруг зачесались ладони: неужели провидение посылает, наконец, человека, который столь нужен? Вообще-то Президент привык опираться на свою команду, действуя по принципу «Да, сукин сын, но мой сукин сын». Однако, за долгие годы «рыцарский орден» оброс сонмом аффилированных лиц, многие из которых действовали в собственных интересах, оставаясь вне поля зрения и, тем более, вне контроля первого лица.

Постоянно окруженный помощниками, советниками и прочими «царедворцами», Лидер остро ощущал одиночество и тяготился им. Внутренне давно и решительно отказался от веры в свое окружение. Даже прочные межличностные связи не бывают неразрывными. Рано или поздно они распадаются, натолкнувшись на сильный стресс или череду мелких стрессов. Любой, кто думает, что крепко дружит с кем-то или полностью доверяет кому-то, просто еще не столкнулся с критической ситуацией. Человек может даже умереть в счастливом неведении, но это доказывает лишь то, что порой смерть приходит раньше предательства. Если же жить долго, особенно в политике, то предательство обязательно придет. И вокруг руководителя страны его хватало.

В такой среде Президенту невозможно даже чихнуть в тайне. А для задуманного дела требовалась полная секретность, как и абсолютная надежность исполнителя. Брать кого-то со стороны не лежала душа: слишком высоки ставки. И вот Григ – из чекистов, но вне кремлевской тусовки. Свой по духу и независимый в суждениях. Да, и возраст подходящий: дров не наломает – в Афгане действовал за гранью фола, а ни одной ошибки не допустил. «Не буду заранее настраиваться на удачу», – суеверно прогнал надежду. И всё же поздно вечером, подводя итоги дня с шефом Администрации, не удержался и задал вопрос в лоб.

– Знаешь Алехина?

– Какого?

– С которым служил в «конторе».

– Мало, по работе не сталкивались, служили в разных точках. Товарищи о нем неплохо отзывались, хотя были и завистники. Ему Адмирал – тогдашний начальник разведки – сильно доверял в последние годы СССР, использовал для хитрых заданий. Детали мне неизвестны.

– Какой у него оперативный псевдоним?

– Понятия не имею.

– К тебе обращался? За протекцией? Просил устроить на работу?

– Никогда. Не в пример многим сослуживцам. Слышал, после отставки он ушел в инвестиционный бизнес, заработал деньги. Умный, самостоятельный и скрытный парень. Будет поручение по нему?

– Переговори с Чудовым. Выясни: что у имярека на душе, с кем связан, не замешан ли в чем. И проведи полную проверку по обычным каналам, само собой. Мол, хочешь для знакомого подобрать синектуру. Не исключено, позже я с Алехиным сам побеседую.

– Что-то конкретное? Или хотите включить в резерв на назначение?

– Ни фиги не ориентируешься! Твой бывший коллега и есть товарищ Григ!

– Чудеса! Вот совпадение! Неужели Адмирал в посмертном письме имел в виду именно Алехина? Жаль, вы раньше не разрешили выяснить принадлежность оперативного псевдонима.

– Правильно, что чуток выждали. Сам же говоришь, Адмирал ему сильно доверял. Теперь ему доверяет руководство разведки. Думается, судьба неслучайно обратила на него наше внимание. Возможно, он – тот Буратино, кто золотым ключиком откроет дверцу в сокровищницу.

– За дверцей не нашлось сокровищ, там оказался балаган с марионетками.

– Во-во, так даже лучше: выгоним Карабаса и будем без него спектакли ставить. Один хрен, твой сослуживец сделает то, что требуется. На, почитай про его подвиги. Аж, волосы дыбом встают. У кого еще остались, – Президент рефлекторно пригладил изрядно полысевшую голову – табу для показа на ТВ.

Во время ночной поездки из Ново-Огарево Администратор просмотрел отчеты. На фоне описанных событий полузабытый знакомый превращался в реальную фигуру, вставал в полный рост. Вспомнилась случайная встреча на хоккейном матче, когда Матвей окликнул его в холле VIP-трибуны и, дав время телохранителям из ФСО оценить ситуацию, подошел поздороваться. Просто пожал протянутую руку и исчез. Ни лишнего слова, ни жеста. Без заискивания или скрытого желания использовать знакомство с известным политиком. Просто приветствовал давнего товарища. Кольнула досада: «Почему тогда не задержался с ним на минуту-другую, не обменялся парой фраз. Проклятая текучка!»

И вот полковник вновь появился на горизонте, точнее разведка вынудила его вернуться в игру. И с каким результатом! «Может быть, шеф с его фантастическим чутьем прав, – проклянулся росток уверенности. – Да, и Адмирал неслучайно выбрал Матвея на роль конфиденнта».

Добравшись домой, выпил кефира, набрал номер оперативной связи.

– Чудов, извините, что поздно! Приключения Матвея Александровича произвели сильное впечатление на заинтересованного читателя, – затейливо начал Администратор, по старой чекистской привычке избегая конкретики. – Ваше личное мнение о нем?

– Таких людей больше не делают. Умница, патриот. Огромный опыт. Но очень не прост. С трудом удалось преодолеть его многолетнее нежелание сотрудничать. Пришлось надавить на больные места.

– Возможно, будет работа для него. По профилю.

– Матвей не ищет работу и не интересуется обычными стимулами, – честно ответил Чудов и после паузы, презирая сам себя (но служба!), добавил. – Правда, его сын недавно вернулся в Россию после длительного отсутствия. Отец об этом не знает, они давно в ссоре. У него российский загранпаспорт и вид на жительство в США.

– Понятно. Не исключено, это и есть нужный аргумент. Аккуратно разыщите сына. Выставьте на границе сторожок на его ФИО. Пусть пограничники не выпускают из страны без вашего разрешения.

– Понятно. Директор в курсе?

– В общих чертах ощутил интерес читателя. Пока этого достаточно.

Мурлыкая старый хит из *Pink Floyd*, Администратор чистил зубы на сон грядущий. Взглянув в зеркало, уверовал: «Оприходуем кандидата, никуда не денется. Дам команду кадровикам подготовить его личное дело».

У Чудова настроение испортилось, сон не шел. Еще вчера радовался, передав Директору документы по афганским операциям. Считал, что оплатил долг Алехину, которого представили к поощрению Президентом. Втянув старшего товарища в разведывательные баталии, хотелось хоть чем-то компенсировать ему риск и волнения, дать понять, что его ценит руководство страны. И вот награда нашла героя – труба опять зовет старого коня в бой. Раз Верховный главнокомандующий взял Матвея на заметку, поручение должно быть архиважным. То есть связано с высокой политикой и (или) с большими деньгами, а значит – с серьезной опасностью для исполнителя.

Еще Степана пришлось впутать. Компьютерный умник, никакого отношения к нашей реальности не имеет, работает над сетевыми программами. Черт его дернул так не вовремя

вернуться в Россию. Сидел бы себе в Калифорнии и продолжал бы дуться на отца. «Кстати, надо выяснить, почему они поссорились», – включилось на секунду оперативное мышление, прежде чем мозг закончил дневную смену и погрузился в ночь.

Глава 2

Хитроу

Очередь на паспортный контроль казалась бесконечной. Обладатели книжечек с британским львом проходили отдельным ручейком, лишь махнув документами. Остальные прилежавшие томились два часа. Наконец, бородатый офицер иммиграционной службы в тюрбане махнул рукой рослому блондину. Не молодой, хотя и не старый мужчина неспешно подошел и протянул российский паспорт. «Одет неброско, едва уловимый запах парфюма, весь багаж – рюкзачок на плече. Спокоен, в глаза не смотрит, хотя и не отводит, – служащий привычно дешифровал внешние сигналы, сунул документ в сканер. – Гм, не похож на шпиона». Однако на дисплее мигал флажок «Опросить по прилету и передать *М16*».

– Господин Алехин, с какой целью прибыли в Соединенное королевство?

– Футбол посмотреть, – коротко ответил Матвей, предвидя последовавшие проверочные вопросы о том, что за матч Лиги чемпионов, какие команды играют, где и когда. Вскоре затаившееся любопытство сикха насторожило бывалого разведчика.

– За кого будете болеть? – продолжал гнуть тупиковую линию служащий, уже не глядя на гостя Великобритании. Необычная отстраненность ничего хорошего не сулила.

– Когда играют немцы с испанцами, русскому безразлично, кто выигрывает. Лишь бы игра была зрелищной.

За спиной нарисовались два полисмена, офицер поднял очи черные и с удовольствием служаки объявил:

– Вам запрещен въезд в страну, вы задержаны и будете подвергнуты обыску.

Мысленно чертыхаясь («Три недели ждал визу, и вот те на!»), но внешне абсолютно беззаботно («Где тут у них видеокамеры?») Алехин вошел в замызанное помещение для допросов. Против ожидания здесь находился не очередной азиатский знаток европейского футбола, а типичный джентльмен из чиновников. Длинным лицом, будто составленным из кожаных плоскостей и костяных граней, напоминал лошадь. Небольшой рост, холеные руки, чисто выбрит, неплохой костюм, тонкие часы под манжетой белой рубашки. «Из контрразведки или из разведки? – не смог сразу определить ветеран. – Туфли слишком дорогие для контрразведчика. Хотя запуганный террористами Лондон нынче, возможно, лучше финансирует контртеррор. Подождем его первого хода».

– Мистер Алехин, ваша виза недействительна. В анкете вы не указали, что получали отказ в выдаче визы десять лет назад, – последовало тривиальное движение пешки E2-E4 и визуальное изучение объекта вживую: выглядит на пятьдесят, бодр и собран, чисто выбрит, одет *smart casual*, дорогой хронометр и глаза ему под стать – точные и расчетливые.

– И что? С тех пор сюда приезжал не раз без проблем, – зрелый, знающий себе цену мужчина вольготно развалился в просиженном кресле, своими 180 см и 90 кг наполняя тесноватую комнату, излучая уверенность и спокойствие. «Волнуется, – оценил англичанин, – слишком колоритно зевнул. Значит, можно надавить еще. Главное не перегнуть палку».

– Тем не менее, вы нарушили наши иммиграционные правила.

– Если есть проблема с моим присутствием, то готов улететь любым московским рейсом. Вычеркну Великобританию из списка стран, где трачу деньги и время. Я – не беглый олигарх, чтобы со своим медом поселиться в вашем улье, – нарушитель границы достал телефон. – Думаю, пора позвонить в посольство России, вызвать консула.

– Здесь запрещено пользоваться мобильником, – строго произнес офицер и отыграл назад, – Нарушение чисто формальное, мы можем закрыть на него глаза по итогам нашей беседы... («Посмотрим, как воспримет знакомую увертюру к вербовочному предложению».)

– Коллега, у меня нет интереса к беседам на важные для вас профессиональные темы. Давно не работаю на правительство и занят только личными делами, – загорелый собеседник обозначил позицию.

– Ваше досье мне знакомо в деталях, – невозмутимо продолжил англичанин, осознавший, что столкнулся с тяжелым случаем. – В нем много поучительного. И не только в далеком прошлом. Если вы настроены прагматично, то проблема с визой отпадет сама собой.

– Дайте полистать досье, а то я в неведении, – чуть отступил от жесткой линии Алехин, поскольку допрашивающий зондировал почву, явно имея в виду нечто более хитрое, нежели вербовка в лоб. Да, и держался тот грамотно. Захотелось выяснить, что затевают англичане.

– Ценю шутку, товарищ Григ! Мы не предлагаем работать на нас, лишь видим в вашем лице человека, реально понимающего важность сотрудничества между Москвой и Лондоном, – почуяв любопытство объекта, подпустил туману британец.

– И из-за этого толкались по пробкам от центра города до аэропорта Хитроу? Чрезмерное внимание к моей скромной персоне, – настаивал русский, гротескно подчеркивая свою вербовочную непривлекательность. Он прекрасно понял намек противника, использовавшего его старый оперативный псевдоним, раскрытый кем-то из бывших коллег-предателей. Англичане, вероятно, решили, что Григ возвращается на разведывательную работу.

– Мы полагаем, вы недооцениваете ваше место в российской администрации. Хотим в будущем контактировать с вами, если того потребуют отношения между нашими странами. В обмен вы получите открытый доступ в Великобританию и наше содействие в случае необходимости.

Офицер счел своевременным намекнуть на свою информированность и закинуть вербовочный крючок на будущее. А заодно среагировать на движение глаз объекта – прямо влево, свидетельствующее о том, что тот врет. Он упустил из виду, что собеседник левша, а значит, такой взгляд, напротив, показывал искреннюю неосведомленность о его «месте в администрации».

– Хотелось бы иногда навещать здешние края, например, футбол захватить посмотреть. Правда, после задержания на границе я разочарован в британском гостеприимстве, – миролюбиво ответил Матвей, адекватно восприняв предложенный бартер: «В будущем ты можешь быть нам полезен, мы – тебе».

– Расчудесно! Теперь мы лучше понимаем друг друга, а будущее покажет, насколько сможем сотрудничать. Добро пожаловать в Лондон, Мэтью Алехин. Зови меня Джереми Кокрейн. Если нам по пути, могу подбросить в отель. Где остановился? – довольный собой англичанин добавил фамильярности и внутренне перешел с «вы» на «ты», хотя в английском есть только одно личное местоимение – *you*.

– Отель «Краун Плаза», неподалеку от Скотланд-Ярда. Рядом с твоим местом работы. Ты же из *Special Branch*? – без намека на облегчение ответил Матвей, стараясь немного прояснить ситуацию.

– Нет, не из контрразведки, я работаю на набережной Темзы. Мост Воксхолл знаешь? – чуть раздвинул бледные губы в улыбке офицер и, не дожидаясь вполне очевидного ответа, нажал кнопку звонка.

Вошедший тюрбан шлепнул штамп в паспорт и удалился. У него не было вопросов. Зато они появились у жертвы британского гостеприимства. Сидя в машине нового знакомого и ведя беседу ни о чем, ветеран сделал вывод: его встретила *MI6* – королевская разведслужба. Именно её офис находился у моста, выше по течению от Вестминстера, именно там работает франтоватый владелец дорогого *Jaguar XJ* и ботинок *Barker* ручной работы. Однако почему такое внимание, когда Алехин отошел от шпионских дел? Всплыла афганская эпопея? И что значит туманный намек на его связи в российской «администрации»?

Попытка разговорить Джереми успеха не принесла. Сунув визитную карточку с телефоном для связи, Кокрейн высадил гостя у гостиницы. «Поехал докладывать начальству, – предположил Матвей. – Или сам начальник?» Последний вариант выглядел реалистичным, судя по профессиональному подходу британца и его замашкам. Г алстук-бабочка черного цвета в голубую полоску свидетельствовал: шпион – выпускник престижного *College Eton*. Собранные воедино детали настораживали, предполагая игру на высоком уровне, о которой её объект не имел ни малейшего понятия. Пока.

Планируя поездку, Алехин рассчитывал сходить на футбол с приятелем, работавшим в московском отделении Интерпола экспертом. Илью лет двадцать назад осенила *идея фикс* о создании суперноса, точнее сверхпса, способного вынюхивать любые запахи в оперативных целях. У обычной ищейки обоняние в тысячу раз чувствительнее человеческого и может уловить одну молекулу в литре воздуха. Но североафриканский шакал в пустыне чует запах падали за 10 км и идет к цели по прямой линии. Как хищник улавливает нужную молекулу в кубометрах воздуха, пропускаемого мимо сотен миллионов обонятельных клеток? Видимо, его мозг почти целиком занят единственной задачей, важной для выживания.

Правдами и неправдами заполучив несколько особей, Илья безуспешно пытался работать с ними. Увы, шакалы не переносили контакта с людьми и цивилизацией. Пришлось долго скрещивать их с собаками, привыкшими к обществу *homo sapiens*. Процесс оказался трудным и затратным. На начальном этапе помощь предоставил Матвей, взяв питомник на пищевое довольствие. Суперносы реально воевали с преступностью: улика с запахом преступника, запечатанная в стеклянную банку, позволяла метису «дворянского» вида определить убийцу через месяцы и годы. Наркотики собачка обнаруживала даже в герметической упаковке под слоем кофе или молотого перца.

Как водится, на Родине чудо селекции встретили скептически. А вот в Западной Европе за него ухватились, особенно кинологи в Германии. Именно на зимней дороге туда Илья и попал в автоаварию. После реабилитации пострадавший физически окреп, но выглядел ужасно, не мог толком ни говорить, ни есть. Через знакомых удалось организовать его приезд в Лондон для сложной челюстно-лицевой операции у местной знаменитости – доктора Бентли. Её почему-то отложили и провели только вчера, поэтому на футбол предстояло отправиться без Ильи.

Звонок из отеля ясности не дал: да, пациент находится в палате, только больница справок не дает. Мобильник хирурга не отвечал, что понятно для занятого специалиста. Решив не столько сэкономить на такси, сколько оглядеться в городе, Матвей двинулся к метро. По пути в глаза бросилась табличка на решетке полуподвального окна: «По соображениям безопасности не приковывайте здесь велосипеды цепочками. Пожалуйста». Дальше стоял полицейский фургон, задние двери которого угрожали надписью «Не приближайтесь к машине ближе трех метров». Ширина переулка составляла от силы пять метров. Платформы и вагоны подземки пестрели инструкциями, как действовать при обнаружении оставленных сумок, повсюду телекамеры и патрульные с автоматами и в бронежилетах. Страх терроризм пришел в Великобританию всерьез и надолго.

На станции «Элефант энд Касл» пересел на *даблдекер*. С верхней палубы автобуса – ехать долго – жизнь улиц как на ладони. Поражало количество жителей не англо-саксонского происхождения. Темно- и смуглокожие лондонцы заполнили тесные тротуары, их лавки и заведения – нижние этажи домов. Среди попутчиков чуть не половина потомки выходцев из Индостана, многие сидели, уткнувшись в учебники. Соседка зубрила кардиологию – вероятно, интерн в больнице.

Старшая медсестра оказалась крутобедрой и дородной, похоже, с Ямайки. Проводив посетителя в палату, увидела возле кровати пациента мужчину, скинувшего пиджак и закаты-

вающего рукава рубашки. Уже открыв грозно рот, женщина осеклась. Взглянув на медкарту, властительница стационара с придыханием поинтересовалась:

– Доктор Бентли, полагаю?

– Виновен, это – я! Провизора сюда, быстро! – скомандовал хирург и повернулся к посетителю. – Господин Алехин?

– Поражен вашей проницательностью. Как угадали?

– Только русский мог вынудить медсестру покинуть пост и подняться на второй этаж. Англичанин бы постеснялся, рискуя вызвать месть в стиле *вуду*. Ваш друг в порядке, только лицо сильно опухло. Не пугайтесь, это нормально.

– С ним можно поговорить?

– Вам можно, ему еще нет.

Появившаяся молодая женщина оказалась родом из Чехии. Бентли поинтересовался у неё названием жидкой субстанции лекарства, назвав его таблеточную форму. Затем спросил то же самое о другом препарате, но в обратном порядке. Удовлетворившись познаниями эмигрантки-провизора, велел дать пациенту третье средство, не имевшее ничего общего с первыми двумя.

– Сложно работать, – поделился наболевшим доктор, когда чешка ушла, – персонал с миру по нитке набирают. Сдают экзамены, но доверяю им с опаской.

– Понимаю, – ответил Алехин, вспомнив засыпавшую над учебником соседку по автобусу. – Мы с Ильей вам очень признательны, господин Бентли. Если что-то потребуется в России, я к вашим услугам.

– Вы уже оплатили задаток за операцию, за дополнительные услуги выставят отдельный счет в конце. Мне надо бежать.

Подбодрив друга и пообещав заехать завтра, Матвей вернулся к стойке старшей медсестры.

– У вас дети есть? – поинтересовался у неё.

– Трое: дочь и два сына, – удивилась та.

– А у меня нет, – соврал посетитель. – Только брат Илья. Берегите его. Что детишки любят на сладкое?

– Мороженое: шоколадное и фисташковое.

– Напишите адрес, пришлю итальянского.

– Ладно, – воровато оглянувшись, согласилась многодетная мать. – Держите. Лично посмотрю за вашим братом.

– Можно вас поцеловать в знак благодарности?

– Вы что! Я же на работе, – довольно хохотнула царица послеоперационного отделения. – Кстати, тут заходили двое в штатском предупредили, что вы можете появиться. Что им рассказать-то?

– Правду и только правду. Кроме мороженого, конечно. Да, чуть не забыл: Илья очень опасается пожара, хочу взглянуть, где тут эвакуационный выход.

– По коридору до конца. Попадете в переулок.

Глава 3

Сохо

В стильном офисе на Савил Роу охранники внимательно встретили Кокрейна, хотя Сосновский и нанял их из числа спецназовцев САС именно по рекомендации *МИБ*. Помешанный на собственной безопасности российский мультимиллионер опасался мести Кремля, в который раньше был вхож словно к себе домой. Ныне утратил былое влияние и богатство. Вид имел слегка потрепанный, хотя одет дорого.

– Джереми, чем обязан визиту? Бренди? Виски? – засуетился русский, вставая из-за стола и ныряя головой в сторону гостя.

– Борис, давай-ка отведаем портвейна *Sandeman*, если ты еще не весь выпил. Есть разговор.

– Неприятности по работе? Или в Москве вновь поймала твоих шпионов с «говорящим камнем»? – хозяин приосанился, насколько позволяла сутулость.

– Электронная связь с агентурой работает нормально. А вот твой источник в Администрации президента что-то напутал. Я встречался с Алехиным сегодня, похоже, тот не в курсе своего предстоящего назначения.

– Ну, послушай. Это же чекист старой школы, лицедей и прохвост. Разве такой расколется? Наверняка темнит.

– Мы уже предлагали установить прямой контакт с твоим человеком, но каждый раз получали отказ. Хоть расскажи подробнее о нем. Дело затеваем серьезное, нужна уверенность в его возможностях и искренности.

– Мой источник перешел в Администрацию из аппарата Совета безопасности, где, как ты помнишь, я был заместителем секретаря. После моего переезда в Лондон периодически поставляет кое-какие сведения.

– Как связь с ним поддерживаешь? И чем ты его держишь на крючке?

– Информация идет в основном через его любовницу. Я ему её подарил. Их плотские утехы задокументированы и видео, и аудио.

– Любовница в его положении – не слишком откровенно?

– Он занимается ответственными назначениями, в том числе силовиков. Взятки снимает деньгами или услугами. На него сложно пасть разевать. Эфэсбешники пытались, без толку – нравы в Москве вольные.

– Как ты ему платишь?

– От случая к случаю. Устроил его дочь в университет Уорик, выставил папаше счет. Тот его отрабатывает, информируя о кадровых перестановках высокого ранга. *МИБ* имеет доступ к его сообщениям.

– Его данные часто находили подтверждение и предвосхищали назначения. Надеюсь, он не ошибается и в данном случае.

– Дался вам этот Алехин. Вероятно, по благу устраивается на теплое местечко, – хозяин прощупывал гостя.

– Не так просто, Борис. Парень долгие годы сторонился госслужбы, сколотил приличное состояние и вдруг захотел стать бюрократом? Нет, инициатива идет не от него, а с самого верха – во всяком случае, твой источник так описывает ситуацию.

– Джереми, зачем тебе гэбист-пенсионер? Хочешь пригласить в свой клуб «Планета шпионов»?

– Я же не спрашиваю, мистер Сосновский, зачем тебе личные контакты с кавказскими террористами и как твой беглый эфэсбэшник «новой школы» до смерти упился чаем с поло-

нием? – резко сменил тон Кокрейн, чтобы указать полезному, но наглеющему авантюристу его место.

– Шуток не понимаешь? У вас, англичан, чувство юмора отличается от нашего славянского.

– Сотрудникам МІБ запрещено шутить на службе, а я здесь по делу.

– Вот-вот! Помогаешь вашей службе, помогаешь, и никакой благодарности, одни упреки.

– Не надо слез, Борис: без нашей протекции тебя выдали бы Москве, и сидел бы ты в изоляторе ФСБ. Итак, подведем итог: надо нацелить источника на сбор дополнительных сведений по Алехину, желателен установить личный контакт с объектом. Сделай аккуратно, иначе твоего человека мы заберем под себя. Кстати, мы его давно вычислили.

– Понял. Завтра он прилетает навестить дочь, а заодно футбол посмотреть. Может, тут его и подвести к экс-чекисту? Ты же говорил, тот будет на финале Лиги чемпионов?

– Да, у него место в 204-м блоке. Только пусть твой человек и близко не подходит. Матерый волк сразу почует неладное. Контакт только в Москве и только на нейтральной почве.

– Как скажешь, Джереми. Ты же начальник русского отдела разведки, – смиренно согласился Сосновский, для себя уже решивший прокачать чекиста. Недаром Кокрейн в него вцепился, словно клещ. Попахивало деньгами и, как шакал в пустыне, бывший олигарх шел прямо на их запах. И люди его не смущали, даже с лошадиным лицом как у наглого лондонца, возмнившего себя чуть ли не реинкарнацией Лоуренса Аравийского.

Поскольку в Хитроу Кокрейн похлопал его плечу, а значит, мог поставить на одежду радиометку, Алехин «забыл» куртку в палате собаководы Ильи. В больничном туалете вынул батарейку и сим-карту из мобильного, затем причесал седеющие волосы и двинулся на выход. Постояв на остановке автобуса, поймал проезжавшее такси (пятое или шестое) и велел ехать к Камден Маркет.

Там привычно прошел в ряд, где торговали архимодными дамскими аксессуарами – Анна обожала такие штучки из перьев, кожи, стекла и прочей мишуры. Он всегда привозил жене что-нибудь эдакое, но сейчас, поразмыслив, ничего не купил. Перекусил в восточной забегаловке вместе с толпой туристов, и, побродив по рынку, за наличные купил серо-зеленую курточку из настоящей конопли. Затем из телефонной будки сделал звонок – настала пора прояснить обстановку. Собеседник удивился и обрадовался, разговор на английском получился короткий и безобидный.

– Влад, привет! Это Мэтью. Как насчет ужина сегодня в восемь?

– О, круто, что позвонил. Где встретимся?

– Давай у Шекспира.

– Ты платишь или я?

– Как пойдет, сколько выпьем.

Алехин докупил конопляную же бейсболку и, надвинув на глаза, быстрым шагом двинулся на запад по пешеходной дорожке вдоль узкого канала, во времена Диккенса служившего транспортной артерией. Ныне попадались лишь крохотные жилые баржи и лодки. Автомобилиям сюда путь заказан. Прелесть импровизированного маршрута состояла в том, что бывший шпион в любой момент мог подняться и выйти на одну из десятков улочек, исчезнув в них. Импровизированная проверка не позволяла полностью убедиться в отсутствии наружного наблюдения, однако сильно затрудняла противнику возможность вести его в скрытой форме и небольшими силами. Признаков НН выявить не удалось, и примерно через час довольный Матвей дошел до Маленькой Венеции. Здесь не только пересекались сразу три канала, но и имелась тропа к вокзалу Паддингтон. Смешавшись с пассажирами из электричек, русский сел в метро до «Лестер Сквер».

Прибыв на точку, ветеран обходил сквер вокруг памятника Шекспиру, почему-то окруженный дельфинами, ожидая появления партнера по ужину – бывшего советского журналиста Галкина, осевшего в Лондоне. Одно время тот был на подхвате у Сосновского и охотно встречался с Алехиным. Затем, когда его работодатель перешел от политической борьбы к оголтелому русофобству и организации разного рода провокаций, Влад перестал контактировать с другом из Москвы.

– Здорово, старичок! – нагло начал гость английской столицы. – Спасибо, что принял приглашение, а то мне пришлось бы пить в одиночестве. Утром прибыл и решил тебя дернуть – давно не виделись.

– Знаем, как ты пьешь: в праздники по чайной ложке. И правда, давненько не встречались, были у меня причины тебя избегать. Расскажу.

– Нынче гуляем. Мне завтра на футбол, а трезвых русских болельщиков не бывает.

– Куда пойдём?

– В Сохо, разумеется. Покажешь новые рестораны и клубы.

Пока пара пробиралась среди многочисленных посетителей злочного квартала, Матвей не предпринимал попыток проверки: если Владимир привел хвост, то ничего не поделаешь. Оставалось лишь грамотно выбрать место, чтобы противник не смог подслушать беседу. Внимание привлек внешне захудалый китайский ресторанчик, откуда как раз выходили крутые парни – черноволосые и раскосые. На двери маячило замечательное предупреждение «Если вы выглядите моложе 18, будьте готовы предъявить удостоверение, что старше 21».

– Вон, *Golden Pagoda* – правильное место, Влад. Что-то утки по-пекински и водки по-московски захотелось, – Алехин пил мало, но сегодня требовалось снять информацию втемную и по-быстрому. За шпионскую карьеру он посетил тысячу ресторанов, и собственно еда его не интересовала. Главное – создать обстановку для доверительного разговора. Сегодня разведчик её планировал провести по сценарию «встретились два одиночества для беседы по душам».

– Ты уверен? Смотри, тут одни китайцы сидят, – засомневался Галкин.

– Значит, кухня достойная. Будем единственными европейцами в восточном раю. Я приглашаю, я выбираю заведение, я плачу.

– Свободного места нету, – отрицательно закачал головой официант.

– А наверху? – поднажал Алехин.

– Тама спецобслуживание.

– Держи пять фунтов или пожалуюсь полисменам, что туристов кормить отказывается.

Официант сделал фокус «исчезновение купюры» и стал приветлив. Второй этаж оказался пуст, окна закрыты ставнями. Лишь за одним столом в позиции «краб и две жемчужины» сидели китаец лет 30 и девушки: красивая скромно помалкивала (явно только из Поднебесной), страшненькая выглядела лондонской штучкой. Время от времени подходил хозяин заведения, кланялся и, надо полагать, спрашивал: «Всё ли хорошо»? Важный гость благосклонно кивал головой. Он, как и Матвей, понимал, что оперативники из НН (угрозыска ли, спецслужб ли) сюда вряд ли сунутся.

– Авторитет из «триады», – резонно предположил русский лондонец.

– Ты мне про отечественную мафию поведай, – попросил русский москвич после первой рюмки водки.

– Да ты и сам наслышан про наше болото. Главный кулик на нем – Сосновский. Полно и других беглецов, лишенцев и прочих полукриминальных элементов. Те, кто в России являются фигурантами уголовных дел, здесь автоматически считаются жертвами кремлевского режима и борцами за демократию. Особенно, ежели сумма украденного имеет семь и более нулей. Но, в основном, здешние соотечественники просто срубили бабок на Родине и забились под корягу в Англии. Правда, есть еще несколько миллиардеров – заняты бизнесом, судебными тяжбами, футбольным спонсорством.

– Влад, ты поменял взгляды. Раньше пел иные песни, – опрокидывание рюмок продолжилось.

– Когда у Сосновского работал, то, сам понимаешь, положение обязывало. Со временем он с катушек вообще слетел. Кругом чеченские боевики, беглые экс-чекисты и прочий сброд. Какие-то вымышленные покушения на Бориса, яды, отравления. Разведка, контрразведка. С ним и его персоналом нормальные люди перестали общаться. Потому и с тобой я не встречался, не хотел тебя подставить. И себя тоже. К тому же, деньги у него закончились, накатила депрессия. По слухам, даже о самоубийстве поговаривает.

– Спасибо, Влад. Ценю твою щепетильность. Ты-то в порядке?

– Как только британский паспорт получил, сразу в сторону отполз, хотя и не без проблем. Помогаю акклиматизироваться вновь прибывающим нуворишам. Главный проект – русская певица Алексия. Муж-продюсер пытается из неё сделать мировую звезду, деньгами сорит. Для меня работенка непыльная и кручусь в полубогеме. То кого-нибудь из *Bee Gees* подтяну, то интервью на Би-Би-Си организую.

– Молодец, уже и в поп-культуру щупальца протянул, – восхищенно хохотнул Матвей, продолжая потчевать собеседника. – А еще темы какие?

– Ваша московская публика помешалась на британском образовании, гонит сюда детей в школы и университеты. Их надо устроить, поселить, проконтролировать. С каждого по зернышку клюю, на жизнь хватает.

– Правда, из них английская разведка вербует агентов на перспективу? – без обиняков поинтересовался Алехин.

– Тебе виднее, – умолк разговорившийся приятель, однако после паузы и еще одной рюмки добавил. – Сам подумай, если у студента батя в Кремле или в Белом доме обретается, грех такого в оборот не взять. К тому же, если папаша имеет здесь банковский счет и недвижимость, мечтает в будущем получить английский паспорт для ребенка и вид на жительство для себя. К примеру, сегодня после обеда прилетел Данилин...

– Кто таков?

– В Администрации кадрами занимается. Прибыл вроде как дочку в Уорике проведать. Из аэропорта прямо к Сосне. А Борис у британцев на подсосе по полной программе. Вот и прикинь палец к носу, – сотрапезника чуть развезло, и аккумулированная обида, нет – злость на бывшего босса выплескивалась через край.

– Откуда знаешь?

– Так я его дочь и устраивал в университет: тогда расходы покрывала *Fast Serv PLC* – Борина фирмешка для помоечных делишек. Данилина из Хитроу охранник Сосновского увез – сам видел, когда клиентов с того же рейса встречал. Сегодня покалякает с боссом, а завтра, небось, на футбол явится. Увидишь его – длинный, как оглобля, с брюшком – стороной обходи.

Матвея подмывало спросить про Джереми Кокрейна, но осторожность взяла верх – «Лошадиное лицо» мог являться нынешним работодателем для опекуна новых русских и их детей. Искренность и порядочность знакомого имели пределы, устанавливаемые его паспортом со львом на синей обложке. Оставить в пусть и затуманенной алкоголем памяти имя британского разведчика стало бы опасной промашкой. Одолев утку и бутылку водки (плюс пиво), приятели покинули заведение. Возле входа на улице курила разбитная китайка – одна из двух «жемчужин».

– Дочь хозяина ресторана? – поинтересовался Матвей.

– Тебе какое дело?

– Передай отцу, утка получилась отменная, – разведчик по привычке проверил свою наблюдательность, хотя глаза уже слипались: ранний старт из Шереметьево и последующие треволнения давали о себе знать. Плюс спиртное.

Галкин не ошибся. Пока шел ужин, Данилин предстал пред прежним явным и нынешним тайным боссом. Вместе они в 1990-е вытаскивали нужных им субъектов чуть ли не из кустов и двигали наверх, ломали карьеры тем, кто смел перечить. Темное прошлое держало кремлевского кадровика на прочном крючке, как и светлое настоящее его любимой дочери. И он это прекрасно осознавал.

– Давай пей и рассказывай, – грубовато пресек Сосновский гостя, рассыпавшегося в подхалимаже, – какого черта Алехиным заинтересовался Кремль. Только не юли, а то в Уорик опоздаешь.

– Как на духу: не знаю.

– А чего же бучу поднял?

– Вы же помните, как обычно происходит выдвижение в Москве. Сначала намеки и слухи, потом команда составить объективку и т. д. Тут вызывает меня не начальник управления, а сам Администратор и говорит: срок неделя, подготовить материалы на Алехина. Я начал вилами по воде водить: мол, под каким углом составлять бумаги, какие моменты выделить особо. Тот отрезал: «Есть указание сделать в полном объеме». Ну, кто ж ему кроме САМОГО указания дает? Вот я и подумал, готовится нечто важное и срочное, и сигнализировал вам.

– И это всё?

– Практически, только странно выглядят еще два факта: полковник ничего общего с гос-аппаратом не имеет много лет, а в наградном отделе Администрации на него лежит секретное представление из разведслужбы.

– Подробнее?

– Детали мне неизвестны, постараюсь уточнить в Москве.

– Уж, расстарайся. И еще – вот билет на завтрашний матч Лиги чемпионов. Там будет наш объект, ты видел его фото – узнаешь. Подкатись к нему по-русски широко и без стеснения, познакомься. В Москве разовьешь контакт.

Глава 4

Уэмбли

Сон вышел прерывистым и неприятным. Стычка с *М16* и непривычная еда будоражили организм. Проснувшись рано – по Москве, Алехин начал, как обычно, с моциона. Любимые родезийские риджбеки остались в резиденции на Рублевке, поэтому гулять пришлось в одиночестве, довольствуясь созерцанием чужих собак в парке Сент-Джеймс. Огромные платаны и открытые лужайки радовали туриста и местных белок. Тропинки и скамейки непривычно пусты, лишь первые велосипедисты катили на работу. В идиллическом месте думалось хорошо, логика и внезапные ассоциации штурмовали возникшую вчера загадку.

Не исключая вероятность втягивания в грубую британскую провокацию, Матвей понимал, для *М16* ценнее его оперативный опыт, личные связи и статус «свободного художника», открывавшие широкие возможности для шпионажа в пользу Лондона. Правда, имелось существенное «но» – его потенциальная полезность не оправдывала быстротечность и высокий уровень полученного от Кокрейна предложения «дружбы». Естественно, местные разведчики и контрразведчики использовали поток приезжающих русских, привлекая их к сотрудничеству. Оставалось завидовать супостатам, работающим по такому интересному каналу на собственной территории. Да, Лондон оставался мировым центром во многих смыслах, в том числе в агентурно-информационном.

Однако с чего в местной разведке взяли, что именно Матвей представляет особый интерес? Причем уверены настолько, что поспешили пусть с отложенным, скрытым и всё же вербовочным подходом. Наверняка, в досье, которым хвастал Джереми, отражено, как британская резидентура в Копенгагене безуспешно пыталась в прошлом вербовать советского разведчика Алехина. Почему теперь сочли, что он вдруг согласится? Очевидно, ответ таился в намеке, что *М16* лучше осведомлена о его месте в интригах московской элиты. Лучше, чем сам русский. Отсюда следовало невероятное, хотя возможное предположение, что британский источник в Москве сообщил о грядущем важном событии, в котором отставному полковнику предстояло сыграть заметную роль.

Телефон зазвонил неожиданно – из Москвы жена решила проверить мужа.

– Всё хорошо, Аннушка! Как у вас?

– Смер и Хекса гоняют по полю стаю перепелов. Ты удержишься или вернешься послезавтра?

– Послезавтра. Извини, мне неудобно беседовать, – свернул радиообмен Матвей. Шпион знал: мобильник не обеспечивает конфиденциальности разговора, особенно в колыбели западной демократии, где подслушивали самых приличных и известных людей. Что уж жаловаться клиенту мистера «Лошадиное лицо». А так хотелось поболтать с супругой ни о чем, просто послушать её голос, сказать «люблю». – Тут телефон плохо работает, помнишь, как в Скандинавии.

Анна сразу попрощалась. Скрытый смысл слов мужа ясен: его прослушивают, как в годы разведработы. «Зачем? Опять попал в историю? Только недавно вернулся из Афганистана в обличии сутенера средней руки – волосы окрашены в чёрный цвет, костюм в духе киношного мафиози, на шее золотая цепь в палец толщиной». Грустно вздохнув, красивая, уже немолодая женщина бросила риджбекам: «Домой!» Собаки, вынудившие птиц перелететь Москву-реку и забежавшие в воду, моментально вернулись к расстроенной хозяйке.

На завтраке в отеле кроме группы японцев – ох, рано встает Страна восходящего солнца! – харчевались казахи, прибывшие вчера одним рейсом с Алехиным.

Отец и сыновья – лет 25 и 20. Мощные, чуть оплывшие батя и старший выглядели помятыми (буйный вечер?). Худенький младший через очки излучал любопытство (ему еще не наливают?). Увидев русского, троица приветственно замахала руками.

– Так вас выпустили! Мы думали, арестовали.

– Спутали с членом Аль-Каиды. Ха-ха! Вы тут какими судьбами, ребята?

– На футбол приехали. Из Темиртау, однако.

– И я на матч иду. Может, вместе махнем на стадион? – моментально пришло решение: мобилизовать батыров в оперцелях. Для чего, еще непонятно, хотя, похоже, потребуется человеческий ресурс. Имеющиеся лондонские связи Матвей решил оставить в резерве – схватка только начинается. На первом этапе против *М1б* придется выставить бойцов необученных и незасвеченных.

– У нас заказан микроавтобус. Присоединяйтесь. А то мы впервые в Лондоне, не знаем, как тут и что.

– Охотно покажу сей милый городишко. Пока предлагаю вкусить традиционный английский завтрак: поджаренный бекон, пережаренные сардельки, глазунья с шампиньонами и тосты. Белая фасоль в томатном соусе – на любителя. Я – не любитель.

Однообразность такой пищи, как и готовность местного англо-саксонского населения её ежедневно поглощать, свидетельствовали то ли о крепости традиций, то ли о присущем британцам упорстве. Точно понять русская душа не могла, но, привыкнув дома завтракать йогуртом или бутербродом, в Лондоне она отвергала московские привычки и тянулась к холестериновой бомбе.

В Кремле никто не вкушал сардельки, состоящие сплошь из жира и сои, там заботились о здоровье, занимались спортом. САМ тяготел к дзюдо, Администратор любил баскетбол, Секретарь Совета безопасности увлекался волейболом. В таком узком составе обсуждали положение в государстве. Внешне оно выглядело не критично: даже в условиях кризиса мировой экономики, удавалось избегать острой социальной напряженности, а военно-политические волны от смены арабских режимов не смогли радикализировать исламскую часть населения России. Даже украинская зараза «евромайдана» не перехлестнула через границу.

Тем не менее, чувство тревоги ощущал каждый из сидевших за столом. В стране росло недовольство, люди в массе своей не чувствовали удовлетворения вектором движения, точнее – отсутствием движения. Молчаливое большинство голосовало на выборах за Президента и правящую партию скорее по инерции, поскольку не видело реальной альтернативы. Шумное меньшинство вышло на улицы столицы, его активисты пытались раскачать общество. Традиционный канал влияния власти – ТВ – на глазах терял эффективность, превращаясь в реалити-шоу: «Президент учит министров работать / летит на бомбардировщике / плывет баттерфляем / находит амфору на дне моря». Публика отворачивалась от телеящика и погружалась в пучину интернета, где госконтроль отсутствовал. Остатки авторитета политиков и чиновников стремительно таяли.

На фоне бездуховности и деградации образования росла распущенность молодежи, подхлестываемая валом наркотиков. Алкоголизм выкашивал мужское население. Никотин убивал людей обоих полов. Воспрянувшая после падения коммунизма, церковь нынче окунулась в материальный мир (с его соблазнами и дрязгами) и не смогла возродить веру людей в традиционные ценности. И неважно, мудрость какого пророка она проповедовала – Христа или Мухаммеда, слышны были в основном голоса фанатиков – чаще «против», чем «за».

Массы, как и во все времена, жаждали хлеба и зрелищ. И получали их: растущие зарплаты (правда, отстающие от роста тарифов ЖКХ и акцизов на водку) и телесериалы (правда, снятые на «улицах разбитых фонарей»). Еще состоялась маленькая победоносная война с Грузией, в ходе которой офицеры вынужденно просили у журналистов мобильники, чтобы свя-

заться со штабом. Усиленно рекламируемая борьба с взятками и продажностью разворачивалась по принципу «мышь против сыра». Коррупция из бытового раздражителя превратилась в зло, угнетающее дух нации. Угнетенными себя чувствовали даже министры и парламентарии, владеющие виллами в Ницце и апартаментами в Майами. Всем становилось не по себе. И чем дальше, тем грустнее. Невыносимая легкость бытия тяготила элиту наравне с простолюдинами.

Хотелось иного: радости и оптимизма. Увы, власть предрержащие не могли предложить идей или шагов, способных вдохновить население, зарядить положительными эмоциями. Гигантомания строек к спортивным и политическим форумам не восторгала. Даже воссоединение Крыма с Россией дало лишь временный всплеск энтузиазма. Страна мучительно искала национальные цели и не находила их. Политики бубнили о росте и прогрессе, но ощущение сползания в застой усиливалось, падала вера в то, что власть действует в интересах простых людей. Вертикаль власти не смогла превратиться в стержень общественного развития. Чуда не происходило, хотя о нем мечтали.

Секретарь СБ, бывший шеф одной из спецслужб, решил рискнуть первым. Он трезво оценивал оставшийся ему до пенсии срок: год-два максимум. В данный момент решил поиграть в активность, чтобы оттянуть отставку. Или, хотя это и менее вероятно, счел нужным на излете карьеры проявить принципиальность честного государственного мужа. Поэтому свой доклад завершил нелицеприятными выводами.

– Если тенденцию не переломить, среднесрочные последствия видятся негативными, а долгосрочные – угрожающими. Стабильность России невозможно сохранить лишь консервативными методами или путем закручивания гаек. Да, парламентская оппозиция не способна взять власть, да, непарламентская оппозиция раздроблена, не организована и не имеет харизматических лидеров. Однако и попытки правящей партии стать привлекательной провалились. Патовая ситуация продлится какое-то время и приведет к потере сначала поддержки населения, затем управляемости государством. Результатом станет общая дестабилизация.

– У СБ есть практические предложения или ваши эксперты просто судачат и горюют? – не сдержался хозяин кабинета.

– Есть. Надо похоронить компартию вместе с Лениным, перехватив её избирателей и часть лидеров, и идеологически сделать шаг влево. Реально начать движение к более справедливому устройству общества. Это в сочетании с социальными программами способно повысить авторитет нынешней власти. Соответственно, потребуются перетряхнуть кабинет министров и парламент, допустить свежую кровь в руководящую элиту.

– Что скажешь? – заслушав доклад и отпустив Секретаря, Президент обратился к Администратору.

– Не оттолкнут ли подобные шаги либеральные круги?

– Ой, либералы обидятся! Эта прослойка тоньше некуда, поскреби, а под ней ничего нет. Заигрались мы с ними, пора заканчивать. Кто захочет работать «на земле» – пожалуйста, дадим должности, кто не хочет – пусть шакалит у западных посольств и витийствует.

– А как же интеллигенция? – сухопарый чиновник поправил очки, будто причисляя себя этим жестом к данной публике и одновременно обижаясь за неё. – Криков много будет, руки начнут заламывать.

– Ты что, «Бесов» Достоевского подзабыл? – блеснул эрудицией глава государства, – Именно интеллигенты довели Россию до октябрьского переворота, а СССР – до могилы, – и после паузы, решительным тоном добавил. – Что ж, если стране нужно чудо, она его получит. Документы на Алехина готовы?

– Кадровики Администрации подготовили подробную справку.

– Тщательно изучили?

– С рождения. Данилин занимался.

– Это такой тощий, в очках, – Президент блеснул памятью менеджера-перфекциониста, вспомнив одного из тысяч сотрудников центральной Администрации. – Он в курсе?

– Нет. Считает, что готовится назначение по моей протекции на престижное местечко. Сотрудник обстоятельный, давно работает. Раз ничего не раскопал, значит, в жизни Матвея ничего смердящего точно нет.

– Какое мнение у Чудова?

– Считает товарища Грига выдающимся разведчиком и настоящим патриотом. Сомневается, что наше предложение заинтересует кандидата.

– Никуда Григ не денется. Не таких через коленку ломали.

– С потенциальным чудотворцем надо бы помягче.

– Хорошо, немедленно ко мне. Алехин в Москве живет?

– Тут по соседству в селе Иславское, но сейчас в Лондоне – обратный билет у него на завтра, а вы в поездку по стране отбываете.

– Тебе объяснить, как и что? Пусть Чудов к вылету доставит.

Уже в коридоре президентского корпуса Администратор почему-то вспомнил, что в Лондон отпросился и Данилин, две недели готовивший досье Алехина. «Бывают же совпадения!»

Бывают. Не совпадения, а события, внешне независимые, но в глубине крепко связанные логикой запущенного кем-то (Богом, Президентом, Судьбой?) сценария. И не факт, что автор незаконченной пьесы сам догадывается, каким будет финал. Что уж говорить о занятых в ней актерах. Даже Шекспир соглашался, что лучшие спектакли идут на сцене жизни. Классик знал толк в драматургии.

Ровно за подобную непредсказуемость так любим футбол. Толпы двигались на «Уэмбли» в предвкушении волшебства на газоне, не зная, что матч выдаться тягостным и безынтересным. Матвея билет привел в блок 204. Трибуну заполняли зрители из разных концов Европы. Казахи, довольные совместной прогулкой, сидели неподалеку. Когда входили через северный вход стадиона, Алехин рассказал, что первоначально, еще до футболистов, по арене кругами носились *грейхаунды*, а публика приходила посмотреть и сделать ставку на борзых. Их завезли римляне, основавшие город. «У нас тоже есть борзые – *тазы*», – гордо поведали туристы из Темиртау.

После первого тайма сплотившаяся за день компания двинулась перекусить и на выходе из блока буквально натолкнулась на высокорослого болельщика в майке с надписью «Россия».

– Ой, какая встреча! Здравствуйте, господин Алехин, – заверещал тот. – Я – Данилин.

– Извините, нам некогда, – среагировал Матвей и, быстро двинувшись по проходу под трибуной, приказал старшим казахам, – Не подпускайте уroda ко мне – я у него женщину в Москве отбил. Будет приставать и жаловаться на жизнь.

– Как скажете, Матвей Александрович, – заиграли мускулами отец и старший сын, выглядевшие внушительно, поскольку занимались *казахша курес* – народной борьбой.

– Для тебя особое поручение, – обратился разведчик к младшему казаху. – Незаметно сними на *iPhone*, с кем рога носец будет контактировать в перерыве.

Последний тайм протекал совсем вяло. Команда, которой удалось-таки вымучить гол, ушла в глухую оборону. Вторая команда делала вид, что пытается изменить результат, который уже не интересовал Алехина. Тот разглядывал любительское видео из-под трибун «Уэмбли». Качество и ракурс оставляли желать лучшего, тем не менее, видна пара: черноволосый тип и Данилин. Последний жестикулировал и что-то оживленно объяснял собеседнику, который мог быть с Ближнего Востока или Кавказа. Видеофайл Матвей отправил на свой запасной мобильник в Москву.

– Ты – прямо суперагент, – похвалил новоявленного помощника.

- Хочу поступить в наш Комитет нацбезопасности, – зарделся парень, – папа обещал устроить.
- Потребуется рекомендация, обращайся, – заржал старый шпион. – Одно условие: ты должен ухитриться переспать с секретарем королевы.
- А вдруг тот – мужчина?
- Без разницы, если родина прикажет!

Глава 5

Шантаж

Двигатели меняли тональность жужжания – *Airbus* маневрировал, заходя на посадку. Пассажиры загалдели в ожидании прибытия в Шереметьево. Матвей открыл глаза: в пути делал вид, что дремлет, на самом деле системно анализируя лондонские события. Взгляд в иллюминатор вызвал удивление: вместо снижения над водохранилищами лайнер делал разворот над Киевским шоссе. «Уважаемые пассажиры, по погодным условиям наш рейс приземлится в аэропорту Внуково». Салон наполнился недовольным шумом.

– Пройдемте, пожалуйста, со мной, – пограничник на паспортном контроле вежливо пригласил Алехина.

В помещении погранпоста маячили два энергичных парня в серых костюмах.

– Вас ожидают во Внуково-2.

– Кто?

– Мы не уполномочены. Ваш багаж?

– Я налегке.

На выходе из зоны таможни Матвей покосился на боковые стойки с загадочной для обывателя надписью «Янтарь». Прибор радиоактивного контроля молчал. Это обнадеживало.

Скудная коробка правительственного терминала, знакомая по ТВ-хронике официальных визитов, располагалась в паре километров. Перед ней стоял огромный ИЛ-96 с лаконичным логотипом «Россия». В зале мельтешили строго одетые люди, и Алехин в спортивном костюме выглядел белой вороной. Надпись *England* на спине и вовсе превращала его в изгоя. Даже обычно невозмутимый Чудов поднял брови, кивком отпуская сотрудников Федеральной службы охраны, доставивших невольного гостя.

– Здравствуйте, Матвей Александрович, – тем не менее, ележно начал он, – видел по телевизору, как вы яростно болели на футболе. Понравилось на новом «Уэмбли»? Абрамовича видели? Или принца Гарри?

– Твои интриги, Игорь? – не стал тратить время на любезности Алехин, увидев своего бывшего подчиненного («Заматерел, но сухой и подвижный по-прежнему. Задницу за письменным столом еще не отрастил»).

– Чур, меня! Скромному заместителю директора не по чину менять место посадки международных рейсов. С вами хочет по-товарищески переговорить Администратор. Будет с минуты на минуту. Тут славный буфет – кремлевское управление делами угощает.

– Почему встреча здесь?

– Провожают Президента в поездку по Сибири. Гидроэнергетику едет развивать. Вон, борт № 1 ждет. Чай, кофе? Коньячку?

– Хорош прикалываться. Что случилось?

– Мы представили вас к награде. Представление вызвало вопросы.

– Колись!

– По-моему, работу хотят предложить. В память о чекистской дружбе.

– Ты же знаешь: я дружу только с детьми и собаками.

– Не будьте столь категоричны. С руководителем и надо обращаться как с ребенком или щенком. Ласково и чутко.

– Судя по тому, что ты перешел в общении со мной на «вы», контора как-то замешана. Давай на «ты», только честно.

– Ничего не знаю. Клянусь.

– Тут прокол: клясться – не твой стиль. Чувствуешь за собой грех.

– Ей Богу!

– Надеюсь, просто темнишь. Если нет...

– Угрожаешь? – пятидесятилетний генерал недоуменно поднял кустистые брови к высокому лбу, плавно перетекающему в бритую голову, и повел мощными плечами. Ни капли нервозности или волнения на худощавом подвижном лице, ни одного лишнего движения сильных рук. – Пора пугаться?

– Нет, просто включился мой дар предвидения.

Внезапно акустический шум в терминале изменился: начали прибывать охраняемые лица. Жилистый Администратор появился стремительно и слишком целеустремленно для «товарищеской беседы». Язык тела опытного аппаратчика не мог скрыть его напряжения. «У него приказ от босса, – моментально сообразил Алехин. – Не сам решил встретиться. Дело – дрянь».

– Чудов, оставьте нас. Матвей Александрович, извините, что выдернули вас, как морковку из грядки. Времени в обрез, вылет через семь минут. Подробнее пообщаемся позже, сейчас о главном: я ознакомился с вашей ролью в афганских операциях – поздравляю с их успешным завершением. Эта работа будет оценена по достоинству.

– Благодарю за добрые слова. Другой награды не надо. Пришлось исправлять ошибку Политбюро ЦК КПСС. От меня что-то требуется? Не так ли?

– Да. Хочу спросить: готовы действовать в национальных интересах?

– «Национальные интересы»! Я – аполитичный пенсионер, никак не участвующий в жизни страны. Почти отшельник.

– Отчасти именно поэтому. И с учетом недавних подвигов. У нас есть предложение. Серьезное.

– Спасибо за доверие, не стоит грузить меня секретами. Не ишу трудоустройства. Как говорится, кто воевал, имеет право у речки тихонькой вздремнуть, – безнадежно пытался отбиться Алехин.

– Полковник, отказ не принимается. Возникла крайняя необходимость в ваших услугах. К тому же – не уверен, что знаете – Степан вернулся на Родину, – Администратор пустил в ход козырную карту, фиксируя взглядом собеседника.

Ветеран разведки умолк, осознав серьезность скрытого шантажа. Такой жесткости и на самой начальной стадии не ожидал. Безопасностью ребенка – пусть взрослого и порвавшего с родителями – пренебрегать нельзя. Видимо, наверху действительно сложилась аховая ситуация, раз берут за горло. Выхода нет: предстояло поломаться и дать согласие. Пока придется играть по их правилам. Осталось выяснить степень заинтересованности шантажистов.

– Крайняя необходимость? Так серьезно? – Матвей умышленно моргнул первым и деланно пошутил: – Неужели столь острая нужда в участии старпера? Чудова бы использовали – моложе.

– Будем считать, договорились. Чудова задействуем, если сочтем целесообразным. Приглашаю на борт № 1. Вылетаете с нами – Президент хочет взглянуть на вас.

– Матвей Александрович, – встрял Чудов, – позвони жене, а то она будет волноваться, ведь ты задерживаешься.

– Дай телефон, мои вещи остались в Лондоне. И прикажи охране просканировать меня на предмет радиоактивного излучения и радиометок.

– Неужели англичане...

– Будто ты их не знаешь.

В М16 шел разбор вербовочного подхода к Алехину. Докладывал руководитель опергруппы.

– Как вы и приказали, шеф, мы мягко и издалека контролировали его передвижения, стараясь не вызвать у объекта подозрений. Имеем полную картину, за исключением вечера первого дня, когда объект выпал из-под наблюдения.

– То есть, ушел у вас из-под носа, – не преминул уточнить Кокрейн.

– Русский выключил мобильник, спутниковое сканирование показывало, что объект находится в больнице у приятеля. Позже выяснилось, что он забыл там куртку, на которую вы поставили радиометку.

– «Забыл», ну, конечно! – Джереми решил слегка вздрючить сотрудников НН, приданных из спецотдела Скотланд-Ярда.

– Когда стало понятным, что маячок слишком долго не двигается, мы связались с наблюдателями, и те сообщили, что объекта нет в здании госпиталя. Через диспетчерскую службу такси нашли кэб, который его подобрал в районе больницы и отвез в Камден Маркет. Подключились к системе уличных видеокамер и активизировали программу компьютерной идентификации разыскиваемых лиц.

– И?

– Выяснилось, правда *postfactum*, что объект вошел на рынок и не вышел из него. Подтянулась «наружка», найти русского не удалось. Часа через два по видео с камер с точностью 76 % вычислили похожего по походке человека, хотя в другой одежде, ушедшего из Камден Маркета по дорожке вдоль канала. Это предположение подтвердилось, когда поздно вечером объект вернулся в гостиницу. В новой куртке и кепке.

– В Лондоне почти миллион камер наблюдения, но самое важное проморгали – наверняка русский провел важную встречу, недаром ловко обрубил хвост, даже от маячка сумел избавиться. А говорил, что в отставке. Знает, как мы используем стационарные радиопосты и низколетящие спутники для слежения. Хоть звонки-то отследили? – Кокрейн наехал на спецотдел, которому комитет «Кобра» – межведомственный орган антитеррора – ассигновал астрономические средства на техническое перевооружение.

– Разумеется. На мобильник звонила жена и несколько случайных абонентов. Номера зафиксированы. Есть интересный момент: на футболе к нему подходил Данилин, но Алехин даже не стал разговаривать.

– Проклятье, я же запретил Данилину контактировать с объектом в Лондоне! Похоже, Сосновский играет свою игру. Данилин был один?

– Его сопровождал Ахмед Сакаев – кавказец из окружения Сосновского. Когда «случайное знакомство» не состоялось, пара оживленно обсуждала случившееся. Есть видео с камер «Уэмбли», без звука.

– Алехин как себя вел вчера?

– Ничего примечательного. Катался по городу с казахскими болельщиками – они живут в той же гостинице, смотрел матч, ужинал рядом с отелем, утром рано уехал в Хитроу и вылетел на родину.

И на самом деле ветеран вел себя именно так. Хотя три момента остались вне поля зрения сотрудников НН.

Во время второго тайма Матвей в качестве поощрения отдал казахскому пареньку часы *Ulysse Nardin* – «поносить», с обещанием вернуть в Москве через неделю. Экс-разведчик не был полностью уверен, что фоторепортаж о Данилине дойдет до его московского телефона, а посему для страховки хотел встретиться с обладателем *айфона* в столице России. Обещание вернуть хронометр обязывало казаха увидеться с русским. В крайнем случае, владельцу предстояло слетать в Темиртау.

Пройдя паспортный контроль и зарегистрировавшись на рейс, Алехин затем сломал и выбросил в мусорную корзину кредитку и сим-карту. Мобильник пару минут отмокал в рако-

вине, затем попал в урну. Потом русский зашел в магазин сувениров и купил полный комплект спортивной формы британской сборной по футболу. В книжном киоске внимание привлек бестселлер Яна Флеминга полувековой давности – классика шпионского жанра.

В лаунж-зоне для VIP-пассажиров бывший шпион зашел в душ. Снятую одежду сложил в рюкзачок, с которым прилетел в Лондон. Паспорт, посадочный талон и деньги деликатно поместил в пластиковый пакетик. Тщательно помывшись, переоделся, достав запечатанные тренировочный костюм, трусы, тенниску, носки и кроссовки. Рюкзак со старыми вещами остался в кабинке. В прозрачном кармашке виднелась визитная карточка Джереми Кокрейна. У выхода к самолету Алехин оглянулся и нагло, от души, улыбнулся в объектив камеры видеонаблюдения.

Матвей решил оставить «наследство» новому знакомому, предварительно ликвидировав известные противнику электронные следы. Он хорошо помнил провокацию с убийством беглого сотрудника ФСБ Литвиненко и полонием-110, поэтому опасался привезти в Москву радиоактивную заразу. И характер требовал адекватно отреагировать на апломб «Лошадиного лица». Хотя бы шуткой. Склонность к юмору – одна из немногих слабостей товарища Грига.

На совещании опергруппы в М16 выступал эксперт по компьютерному анализу мимики и голоса Алехина во время вербовочной беседы в Хитроу.

– Можно сделать вывод, что объект не испытывал серьезного волнения и вел себя естественно. Напряжения в тембре фиксировались в пределах допустимых отклонений, что свидетельствует о правдивости его ответов и высказываний. Движения лица, жестикация и в целом мышечная активность минимальны, что понятно с учетом его опыта, – выступающий замолчал, прерванный телефонным звонком.

Дежурный оперативник из аэропорта разыскивал Кокрейна.

– Сэр, тут нашли ваш багаж.

– С ума сошли! Какой багаж? – возмутился начальник русского отдела разведки.

– Рюкзак с личными вещами и вашей визитной карточкой. Без нашивок и надписей. Пересылаю фото. Еще в нем книжка *From Russia With Love*.

Даже не увидев снимка, присутствовавшие смекнули, что наспех склеенная операция провалилась. На шефа старались не смотреть. Русский сделал ручкой «прощай» и, вероятно, доложит в Москве о случившемся. Это ломало планы, а шпионы так любят их строить.

– «И была ночь, и было утро: день третий», – «Лошадиное лицо» щегольнул знанием Евангелие. – Сегодня заканчиваем на пессимистической ноте, однако, разработку Алехина продолжим. Если он займет, как мы ожидаем, видное положение в российской Службе внешней разведки, то у нас остается шанс восстановить контакт с ним. Будем следить за его карьерой, а пока пусть аналитическое подразделение подготовит предложения по усилению или изменению основы для его вербовки. Досье остается открытым, играем до конца.

Глава 6

Партком

Верхняя палуба воздушного корабля делилась на отсеки: впереди президентский салон – апартаменты, кабинет и прочее, в хвосте стюардессы и кухня, между ними располагались сотрудники ФСО и сопровождающие. Спецтехника и персонал скрыты на нижней палубе, где в обычных самолетах перевозят багаж. Гость не впечатлился интерьером: дизайнер и исполнение швейцарские, но стиль *a la russe*. Зеленоватая и бежевая кожа, полированный корень ореха, много золота. Туалет № 1 не доступен – не узнать: раковина там позолочена или из цельного слитка. Катапультируемую капсулу спасения Президента, если она имелась, визуальнo обнаружить не удалось. Как и атрибуты командования стратегическими силами РФ, о чем свидетельствовал индекс ИЛ-96-300ПУ(М) – воздушный пункт управления (флагман). Характерный желоб в верхней части фюзеляжа указывал на мощное радиооснащение. На удалении уже ожидали ТУ-214СР (самолет-ретранслятор) и ТУ-214УС (узел связи), способные в любую минуту обеспечить любые электронные коммуникации. Чуть ближе, но вне зоны аэропорта, в боевой готовности находились две пары истребителей. Летавший кругами А-50 (дальнее радиолокационное обнаружение и управление) нес на спине антенну-гриб, сканировавшую воздушное пространство на сотни километров по всем азимутам. Его операторы отслеживали ВСЕ воздушные цели и были готовы дать команду на уничтожение любой из них, кроме президентского самолета, разумеется. Вылетевшие раньше борты уже выгружали передовую группу, журналистов, бронированные автомобили. Гражданские и военные полеты по литерному маршруту были строго регламентированы.

Легкий ажиотаж внезапно стих – Главный пассажир поднялся по переднему трапу. 250-тонная махина сразу вырулила на взлет. Через десять минут охранник проводил Алехина в бар, где уже сидел Администратор. Потом заглянул другой сотрудник ФСО, проконтролировал обстановку. Затем из бокового прохода появился Национальный лидер, при ходьбе подруливая согнутой левой рукой. Серая рубашка и джинсы, нечитаемое выражение лица.

– Здравствуй, Матвей Александрович, – крепкое рукопожатие продемонстрировало физическую силу, последовавшая фраза – владение обстановкой. – Как там Лондон?

– Добрый вечер. Ну, что Лондон: Вестминстер на месте, полно американцев и японцев, прибавилось китайцев. Англосаксы массово бегут во Францию и Испанию, их замещает более смуглый народец. Пользуется популярностью русская пельменная.

– Нас покормят, пока предлагаю выпить вина. Есть приличное итальянское с Сицилии из окрестностей Этны.

Президент цепко держал взглядом гостя: «Мой ровесник, а лысины нет, – мысленно позаиводвал. – Подтянут, выглядит достойно, хотя спортивную форму подрастерял. Необычно спокоен для первой встречи с руководителем государства. Повидал людей на своем веку, себе знает цену. Не прост товарищ Григ. Только не к месту тренировочный костюм – белый с тремя британскими лёвиками и логотипом „England“.

– Спасибо, не откажусь. У меня нынче красно-винный период жизни, – согласился гость, расценивший, что, предложив бокал, хозяин выбрал роль доброго полицейского. Злым выступал его подчиненный.

– Полковник, вас рекомендовало руководство разведки. Я прочел отчет о недавней операции в Афгане.

Администрация считает правильным привлечь вас для выполнения особого поручения. Всё это сделало возможной нашу беседу, по итогам которой приму решение.

Алехин не проглотил наживку, вежливо смотрел на собеседника и медленно крутил вино в стеклянной ловушке. Потом понюхал, пить не стал. Помолчали. Президент, по достоинству оценив умение приглашенного держать паузу, сделал глоток сицилийского и вынужденно пошел на второй заход. На сей раз с неожиданной стороны.

– Как относитесь к КПСС?

– Отвечать кратко или развернуто?

– Кратко.

– Вы ведь в ГДР были членом парткома совколонии, помните свои ощущения, когда пала Берлинская стена. Для меня партийные стены рухнули годом раньше, после Афганистана. Разочаровался в КПСС полностью, – Матвей пригубил из бокала. – Хотя социалистические идеи весьма привлекательны.

Москва. Октябрь 1988 года.

Выйдя из станции „Дзержинская“, Матвей окинул взглядом площадь. Железный Феликс» стоял в центре на месте дореволюционного фонтана-водопойки для гужевого транспорта. За ним бывшее здание страховой компании «Россия», с 1919 года ставшее штаб-квартирой ЧК-НКВД-КГБ. Идти туда не хотелось, да и инструкции по конспирации запрещали действующим разведчикам его посещать. Сегодня особый случай: Алехина вызвали на заседание комитетского парткома. Вызов ничего хорошего не сулил. Операция «Пакет», как он и ожидал, не принесла награды, а засосала в воронку неприятностей. Парадокс: по оперативной линии претензий не высказано. Но сразу после выписки из госпиталя офицеру позвонил парторг.

Двигаясь вверх по Лубянке, миновал новый комплекс КГБ, облицованный серым гранитом. Новоселами стали руководители комитета, включая его главу – Старика. Именно он и затеял, как предполагал Матвей, партийную интригу. Ведь и сам Председатель КГБ ощущал недовольство Политбюро по поводу неудачи с применением бактериологического оружия для «радикального решения» проблемы Масуда. Решил по-коммунистически стереть в порошок непослушного опера, не вдаваясь в секретные и грязные детали спецмероприятия в горах Гиндукуша.

Пришедшего встречали портреты Ленина, Дзержинского и Горбачева. Еще висел лик Карла Маркса, но как-то неприкаянно, случайно. «В члены КПСС не приняли бы, – подумалось. – Иностранец, еврей, из семьи адвоката, играл на бирже, дружил с капиталистом Фридрихом Энгельсом. Во всяком случае, в парторганы точно не избрали бы с такой-то бородицей».

Члены парткома – не чета классику – чисто выбриты. Нет знакомых лиц – сплошь аппаратчики, а не оперативники. Инквизиторы сразу пригласили в зал Алехина. Скорость настораживала: обычно персональные вопросы разбирались в конце. Видимо, сегодня идейное благополучие КГБ зависело от судьбы именно Матвея. «Да пошли они», – пробормотал сам себе, внезапно утратив интерес к исходу варфоломеевских посиделок.

– Вы достаточно здоровы для участия в обсуждении? – начал секретарь.

– Да. Хотелось бы понять, что обсуждаем.

– Из отдела загранкадров ЦК КПСС поступило указание рассмотреть ваше поведение в Демократической Республике Афганистан. Что можете сообщить, не раскрывая оперативные подробности?

– Выполнил задание руководства по обеспечению бескровного вывода военных частей и гражданских учреждений. Взаимодействовал с подразделениями КГБ. Детали имеют гриф «совершенно секретно» и «особой важности».

– ЦК располагает информацией, что вопреки указанию наземного центра управления полетами вы вынудили экипаж военно-транспортного самолета совершить посадку не в Кабуле, а в Баграме. Угрожали оружием.

– Оружия на борту не имел, угрожать им не мог. План операции, утвержденный руководством, предусматривал доставку спецгрузы и опергруппы в Баграм. Я обеспечил выполнение плана. Центр управления полетами не имел полномочий в рамках проводимой операции.

– По сообщению Министерства обороны в адрес ЦК, в Баграме вы игнорировали порядок выезда автоколонн с территории авиабазы.

– Там была задержка, вызванная нерасторопностью комендантской службы. Мое сопровождение из спецотряда «Каскада» имело необходимое разрешение и действовало в соответствии с приказами из Москвы. «Каскад» не находится в оперативном управлении командования 40-й армии и напрямую подчиняется руководству КГБ.

– Имеется жалоба микробиолога, который просит наказать вас за жестокое обращение с ним в ходе операции. Его чуть ли не убить пытались.

– Ученый появился неожиданно, – насторожился Алехин, поняв, что того склонили написать кляузу. – Участие гражданского не предусматривалось планом. Вел он себя неосторожно, отказывался выполнять правила поведения в военной зоне. Однако мы предоставили ему возможность действовать по его программе.

– По его словам, вы заставили его принять непонятные таблетки, возможно, отравленные.

– Для профилактики членам группы давали антибиотики. Я их сам пил. Как видите, жив, правда, не скажу, что здоров, – Матвей, как бы невольно, тронул повязку, виднеющуюся в открытом воротнике рубашки.

– Нам известно о вашем ранении. Подождите за дверью.

В коридоре наглядная агитация повествовала о роли чекистов в выполнении решений очередного съезда КПСС. Висели материалы о подвигах в годы Великой Отечественной войны и о мирных буднях. И ничего об уничтожении сталинскими органами «антипартийных элементов». Ни слова о том, что все руководители и почти все резиденты советской разведки сгинули тогда совсем рядом – во внутренней тюрьме на Лубянке.

«Времена изменились? – Посмотрим».

Решение вынесли быстро.

– Партком считает возможным не наказывать вас, с учетом ранения. Вместе с тем, отмечает недостаток у вас понимания высоких требований, которые Политбюро и лично Михаил Сергеевич Горбачев предъявляют к офицерам КГБ. В условиях перестройки требуются строжайшее выполнение партийных решений и соблюдение служебной дисциплины, внимательное и заинтересованное отношение к советским гражданам. Учтите это в своей работе по реализации линии КПСС за рубежом.

Оплеванный ипцион брел по Лубянке: «В тюрьму не отправили, от заграничной работы не отстранили, даже выговор не вынесли. Гора (ЦК) велела холму (парткому) родить мышшь (устное замечание)?»

У метро Матвей затылком почувствовав чей-то взгляд, обернулся.

– Вам просили передать совет, – произнес молодой мужчина в костюме.

– Давайте. У нас же страна Советов.

– Посетите центральный зал «Детского мира».

– Полезная информация. Пожалуйста, зайду.

В универмаге кишела толпа, мечтавшая приобрести коляску, лобзик, школьную форму – хоть что-то. Очереди перекрывали доступ к прилавкам, не позволяя увидеть, чем там торговали. В отделе конструкторов сгрудились подростки. Начальник разведки выглядел среди них дедушкой, выбирающим подарок для внука. В руке держал солидный пакет.

– Добрый вечер, Адмирал.

– Добрый. Как самочувствие, Матвей Александрович?

– Нам-то что, нас палкой не убьешь.

– Точно: Партком палкой и погрозил – ЦеКовские игры. Губы надувают, что афганцев не удалось уморить. У Старика к тебе прямых претензий нет, однако, и поощрения не получишь. Не в обиде?

– Я – туземец, знаком с местными ритуалами. Что дальше?

– Правильный вопрос, важный для страны. Времена наступили подлые: предательства и продажность в партийно-государственной машине СССР не позволяют далее работать в привычном ключе. У нас множатся перебежчики, началось разложение спецслужб. Грядут огромные перемены. Посмотри на Восточную Европу: соцлагерь при смерти. Нашему ведомству надо сжаться, сосредоточиться, отойти от шаблонов. Будешь моим неофициальным представителем по особым вопросам. Готов?

– В принципе, да. Только дьявол прячется в деталях.

– Нам предстоит, не вмешиваясь во внутривластные дрязги в Союзе, работать в интересах страны, какие бы руководители ни находились у власти. Начинаю подготовку к наилучшему варианту.

– Какому?

– Краху Советского Союза. Понял, почему встречаемся не в моем кабинете, а здесь?

– Вы меня пугаете!

– Вот и те, кто владеет реальной информацией о положении в экономике и обществе, сильно напуганы. Как бы, с перепугу, не натворили бед.

– Сделаю, что смогу. Надо создать запасную резиденцию в Стокгольме?

– Не только в Швеции: я замкну на тебя и коллег в других странах Европы. От меня могут обращаться люди с паролем «Евстархий».

– Понял.

– Завтра улетай. Держи игрушку для сына. Точная копия автомата Калашникова, даже затвор работает. Правда, не стреляет. Удачи!

Выйдя из метро в вечернюю мглу, задумчивый Алехин с пакетом под мышкой шел проулками к дому. Неожиданный ход Адмирала заставлял по-иному взглянуть на будущее страны, службы, семьи.

– Мужик, дай закурить, – нарисовались парни с очевидными намерениями.

– Не курю, – последовал столь же очевидный ответ. Драться не хотелось, физическая форма была никудышной.

– Ишь, наглый фрэер. Что в пакете?

– Сувенир из Афгана, – хохотнул разведчик и, выхватив «калашников», передернул затвор. – Къши отсюда, сявки.

Шпану сдуло в соседний проходняк. «Добрая вещь, – улыбнулся Матвей, – жаль, сыну нельзя отдать – стокгольмские соседи не одобряют. Пожалуй, подарю сувенир знакомому из шведской контрразведки».

Глава 7

Борт № 1

Оказавшись во рту, вино было положительно воспринято вкусовыми рецепторами. Ощущение передано по афферентным волокнам языкоглоточного нерва. Добравшись до коры головного мозга, оно трансформировалось в оценку. «Хороший букет и послевкусие. В Италии – 50 евро за бутылку», – логически рассудило левое полушарие. «Хотя, если Берлускони подарил, то мог бы выбрать получше», – эмоционально добавило правое. Хозяин головы помалкивал, ожидая продолжения странного допроса.

– Как видите обстановку в стране? – спросил Главный пассажир.

– Полагаю, мы трое оцениваем её почти одинаково. Вы, вероятно, подразумевали, какой выход из ситуации вижу?

– Можно и так сформулировать. Только откровенно скажите.

– Надо определиться с тем, какое общество хотим иметь на необъятных просторах, доставшихся нам от предков. Невозможно России существовать внутри и вовне, если отсутствует национальная идеология, если у власти и народа нет представления о том, кто мы, зачем и что делаем. Пора, наконец, выбрать направление и двигаться в нем, пусть по сантиметру, только каждый день. Не отвлекаясь на тактические цели и тявканье недрогов.

– Несколько обще, – критически вклинился Администратор.

– Именно общая цель и нужна людям. Граждане в пояс поклонятся тому, кто её сформулирует, и помогут реализовать. Пока в этом вопросе полный вакуум, чем наши враги и противники пользуются в полной мере.

– Какая сила могла бы возглавить процесс? Есть такая партия?

– Нет. И не нужна. Партстроительство в России закончилось, так и не начавшись. Политические организации и избиратели будут спланиваться вокруг платформы и человека, её олицетворяющего. По крайней мере, на срок до появления новой привлекательной идеи и иного лидера. Такая поддержка даст лидеру ресурс доверия и влияния.

– Вам было бы интересно участвовать в таком процессе?

– Нет. И чем меньше в нем будет бывших чекистов, тем лучше.

– Вы имеете в виду меня? – поднял брови хозяин.

– В первую очередь, ваших протеже из силовиков и «друзей», засевших в руководстве госкорпораций и «естественных монополий», на теплых местах в парламенте и правительстве. Естественно, и у них есть фавориты, сослуживцы, дети, родственники. «Посторонним» места не находится. Гражданское общество лучше строить гражданским. Хотя до сих пор они, увы, так и не смогли найти себе лидеров без погон. Вечная российская тоска по униформе. Надо с ней заканчивать. Без ротации элиты страна не получит нужных руководителей и дело не пойдет.

– Откуда же такие люди возьмутся?

– Знаете, слоны вытаптывают поляну, а потом удивляются, что травы нет. Все назначенцы – губернаторы, мэры, парламентарии – зависят только от начальства, с народом связи почти не имеют. У них нет корней, а значит, нечто порядочное вряд ли вырастет. Уж, извините за резкость.

Помолчали, пока стюардесса сервировала стол. Поели. Тишина стала гнетущей. Алехин начал надеяться, что прямота, граничащая с грубостью, позволит вернуться от важного назначения. Наконец, Президент утерся салфеткой и вновь взял бокал. Не выпил, отставил. Приближалась развязка.

– Матвей Александрович, вам не уйти от ответственности за судьбу страны. Как и нам, – Пассажир № 1 взглянул на Администратора, тот кивнул. – Мы затеваем политическое и идеологическое переформатирование общества и институтов власти. Кремль часто обвиняют в том, что он защищает не столько интересы граждан, сколько нуворишей, бюрократов, силовиков. И, наверное, справедливо упрекают. Мы хотим порвать с этим образом, сделать решительный шаг к справедливому распределению богатства и влияния. Сплотим силы, разделяющие такой курс, получим что-то вроде общенародного фронта, занимающего почти весь политический спектр.

– То есть идеологическое движение влево, на поле компартии? – удивился гость.

– Настолько влево, что компартии не останется места. Новое политическое движение поглотит не только правящую партию, но и всю левую оппозицию. Мы бы не стали беспокоить вас без крайней необходимости, однако в этой связи есть задание лично для вас.

Такая откровенность (если Президент не затеял грандиозную мистификацию) предполагала единственный ответ. К нему подвигала и скрытая угроза в отношении сына Степы, высказанная ранее. Настал момент взять под козырек.

– Приказывайте.

– Вам поручается найти «золото партии».

– Серьезно? – не удержался от ухмылки Матвей. – Это же химера. Да и деньги, если они когда-то существовали, по сегодняшним меркам, не ахти какие – миллионы долларов, максимум десятки миллионов. Ваш самолет стоит дороже.

– Месяц назад мы бы также реагировали, – вмешался Администратор. – Принято думать, что секретная записка Политбюро – миф. Ведь её столько искали, даже нанимали американскую детективную фирму *Kroll*. В Генеральной прокуратуре хранятся двести томов секретного расследования «О финансово-хозяйственной деятельности ЦК КПСС». Ничего не найдено.

– Что же изменило ваше мнение, господа?

– Письмо Адмирала. Его дочь собралась продать дачу умершего отца и в столе нашла прелюбопытную записку. Передала мне. Сами прочтете позже – ведь захотите увидеть оригинал. Так вот, ваш бывший начальник утверждал, что секретный фонд был создан и надежно спрятан. Суммы, вероятно, не астрономические, но их обнаружение поможет вогнать последний гвоздь в гроб КПСС, уничтожить её современных последышей, злостных провокаторов и шумных леваков, – Президент безжалостно рубанул воздух ладонью. – Избавить Россию от цветных революций и революционеров, заодно огорчить их зарубежных вдохновителей.

– Может, и Ленина похороним, – не удержался Алехин. – Простите, глупо пошутил – от неожиданности.

– Разыщите клад, и тогда доверю вам, Матвей Александрович, закопать мумию Ульянова. В качестве бонуса. Вы согласны? – прозвучало предложение, от которого нельзя отказаться.

– У меня есть выбор?

– Уже нет.

– Зато есть у вас. Объясню, почему прилетел из Лондона в дурацком спортивном костюме. Тогда и решайте: доверить мне сию безнадежную операцию или нет. Сначала вопрос: кому еще известно о задании?

– Только нам двоим.

– Однако вы же проводили мою проверку, с кем-то советовались? С Чудовым, например?

– Директор разведки и Чудов знают о вашем приглашении на беседу, но не о сути вопроса, – поспешил заверить Администратор и, осекшись, почти беззвучно выдал. – Еще объективку готовил мой сотрудник Данилин.

Не выдержав напряжения, Матвей сжал бокал. Сосуд лопнул, вино обагрило руку и скатерть. Раздался звон падающего стекла. Из коридора в бар заглянул охранник, увидел нахмуренное лицо хозяина и безмолвно исчез. Через секунду стюардесса шмыгнула убрать со стола.

После рассказа Алехина (в усеченной версии) о событиях в Лондоне, его собеседники помрачнели. Президент потрогал правую мочку – она была ниже левой, почесал тонкую переносицу. Набрал воздух, но, увидев поднятую ладонь гостя, ничего не сказал.

– Улики против Данилина исключительно косвенные, однако есть задумка. Нужна помощь Федерального агентства правительственной связи и информации или как там оно нынче называется, а также тайм-аут для анализа ситуации.

– Через час посадка в Новосибирске, – предупредил Администратор.

– На борту есть специалисты дешифровки и радиоразведки, а также любое оборудование, – № 1 обрадовался переходу к конкретным действиям и нажал кнопку вызова. – Доложите, когда будут результаты.

Явившийся офицер увел шпиона вглубь непарадной части самолета. Запах озона и нагретой пластмассы контрастировал с чистым воздухом в баре. Тесное помещение занимали стойки с аппаратурой, лишь узкий проход оставался свободным для доступа к рабочим консолям. Матвей объяснил задачу, спец молча кивнул, потом спросил для профформы:

– Российский мобильник чей?

– Мой.

– Тогда без проблем.

Кудесник, задействовав высший допуск к Системе оперативно-розыскных мероприятий, вошел в сервер компании мобильной связи. СОПМ хакнул запасной телефон Алехина, лежащий у него дома, и скачал оттуда видео, переданное молодым казаком с «Уэмбли». Улучшив качество изображения, мощный компьютер, подключенный к базам ФСБ, ФСО и остальных спецслужб, начал жевать терабайты информации. Скоро машина вынесла вердикт: Ахмед Сакаев, видный ичкерийский боевик, разыскивается за участие в организации убийств и терактов, проживает в Великобритании, близкая связь Сосновского. Приводился список оперативных и уголовных дел. Второго человека на видео компьютер вычислил сразу – Роман Данилин – сотрудник кадрового управления Администрации. В базе ФСБ на него стоял флажок – соответствующий файл Матвей просмотрел с интересом.

– Второй телефон английский?

– Да, принадлежит офицеру *М16*.

– Понятно, – совершенно не удивился спец, – тогда звонки внутри Великобритании не сможем взять, только входящие на него из России. – И после короткой паузы доложил, – За последние три месяца ничего.

Матвей и не ожидал удачи с номером Кокрейна, полагая, что он «спящий» и переключен на телекоммуникационный узел *М16*.

– Поставьте на контроль, – приказал, – вдруг всплывет. О звонках докладывать в Службу внешней разведки товарищу Чудову с пометкой «вниманию тов. Грига».

Заключительная беседа в баре длилась недолго. В завершение Алехин высказал две просьбы: обеспечить безопасность его жены и сына, а также предоставить особые полномочия в рамках задания.

– Знаете, бумажку с печатью и именной наган от Дзержинского, – нагло пошутил, чтобы разрядить обстановку.

– Оперативную поддержку организует Чудов. Будет и мандат, – подхватил тему повеселевший хозяин самолета, – с широкими полномочиями. Не злоупотребляйте, старайтесь оставаться в рамках закона.

– Какого? Об оперативно-розыскной деятельности? О внешней разведке? Или использовать ст. 39 УК «Крайняя необходимость»?

– На ваш выбор, только найдите значку Политбюро.

– Думаю, быстро станет ясно, найдем или нет. А вот подлецов, типа Данилина и его лондонского хозяина, на пути встретим точно. Что с ними-то делать прикажете? «Мочить в сортире»?

– Фигурально выражаясь, можно и так поступать. На ваше усмотрение, только аккуратно: скандалы не нужны, – согласился № 1 и поинтересовался. – Вернетесь в Москву сегодня или останетесь на борту в поездке по Сибири?

– Сегодня. Как понимаю, результат нужен незамедлительно. Ситуация в стране требует скорейшей реализации вашего плана. Честь имею.

Когда ветеран вышел, Президент посмотрел на Администратора.

– Ну?

– Думаю, справится. Показательно, как моментально переключился с минуса на плюс, услышав про записку Адмирала. От полного скепсиса к явному оптимизму. Его вера в шефа непоколебима. Вы были правы, приняв всерьез «завещание из могилы».

– А лондонский след?

– Вы же видели Алехина – не дрогнет. Смелый план набросал, не стал ограничиваться механическим исполнением вашего поручения. Проконтролирую, чтобы не слишком раздухался относительно Данилина.

– Жалеешь своего «ценного кадра»? Или его лондонского покровителя? Тебя тронуло личное письмо Сосновского, в котором тот просил меня разрешить ему вернуться на Родину?

– Все нет, однако предложение полковника довольно рискованное. Может дать протуберанцы...

– И хорошо, пора вычистить шваль из аппарата. Пусть и нетрадиционным способом. Если зацепит Сосновского, то вдвойне приятно. Будут перегибы, спишем на зарвавшегося отставника – эксцесс исполнителя.

Оставшись один, Главный пассажир размышлял: «Энергичен, смел, умен. Часы носит, как и я, на правой руке. *Бонвиван* – небось, бабы любят». Сам Президент не мог пожаловаться на отсутствие женского внимания, ему оно нравилось, хотя объяснялось магнетизмом высшей власти. «Правда, мышцы у меня накачаны лучше и морщин вокруг глаз меньше. Но Алехин производит сильное впечатление, уже по его иронии чувствуется внутренняя свобода. Целевая личность. Какая выдержка, сколько оперативной выдумки! Опять же, имеет опыт в финансовой сфере. Здорово, если зацепит и Сосну – подлец гадит, где только может. Главное, чтобы Григу вновь повезло. Ведь удача ему улыбалась не раз. Адмирал знал на кого делать ставку».

И Главнокомандующий мысленно благословил тайного бойца: «Иди и вырви нефритовые зубы у дряхлеющего дракона, но не выбрасывай – они нам еще пригодятся». Негромко рассмеявшись, позвал помощника: «Пригласи этого, ну, губернатора, который с Москвы рвется на доклад».

В ожидании посадки Матвей формировал оценку человека, который, занимая высший пост в России, казалось бы, облечен почти неограниченной властью. На него (или против?) работает колоссальная государственная машина – только в Администрации 3600 сотрудников! А достижений всё меньше. Конечно, настоящий политик должен умело и уверенно говорить о будущих успехах, а потом не менее умело и уверенно объяснять, почему их не удалось добиться. Однако на сей раз Президент, вроде бы, откровенен и настроен решительно изменить ситуацию к лучшему. И что же? Вместо того чтобы использовать полдюжины спецслужб и десятков ведомств, вынужден обратиться к отставнику, дабы добиться цели и соблюсти секретность. Хотя какая тайна, если в Лондоне узнали о его выборе быстрее самого Алехина!

– Прямо как в сказке: «Страна маленькая, народ подлый, доверить некому: я – царь, я – судья, я – палач». Хотя нет, палачом назначил меня. И его жаль – парадокс! Хотя, что ж здесь удивительного: «Царь» знает, что его предавали, предают и будут предавать самые лояльные и приближенные бояре и опричники. Они идут на предательство в ту самую секунду,

когда пият бюджет, нарушают закон, плюют из авто с «мигалками» на сограждан, игнорируют и извращают даже самые важные и нужные приказания высшего руководителя. И при этом клянутся в преданности и вечной любви! Немудрено, что вера в Правителя поколеблена: его собственные ошибки и промахи умножаются проступками и преступлениями подчиненных, а то и «друзей».

– И, Бог мой, он знает об этом, ежечасно чует запах измены, смирился с её неизбежностью. Не верит даже самым близким людям, хотя картинно демонстрирует полную уверенность. Понимает, что только его собака не ищет выгоды от хозяина, обожает бескорыстно, радуется каждой минуте общения. И Президент алчет такой же верности, пусть даже сиюминутной. Надеется, что нашел её во мне – человеке постороннем, случайном. Хочет верить в меня. Могу ли его подвести? Если да, то останусь ли самим собой?

В силу специфики разведработы Алехину доводилось совершать подлые и даже страшные поступки. Всё же душа оставалась чистой, ибо он до последней возможности старался избежать греха. И всегда скрупулезно определял цену того зла, которым порой только и можно предотвратить зло еще большее. Сейчас возникала подобная дилемма, совесть требовала тщательно взвешивать каждый шаг, просчитывая последствия.

Как человек, Президент импонировал разведчику. Много нравилось в его программных речах и частых выступлениях. Но аналитический ум сравнивал слова с делами, и раз за разом обнаруживался гигантский разрыв. Практика способна исказить и испохабить любую, даже самую правильную идею, например, постоянно декларируемую борьбу против коррупции. А неспособность навести порядок в правоохранительных органах и судах? Неясно, насколько честен Глава государства сам перед собой, не говоря уже о согражданах. Оставалась загадка: он не может или не хочет поменять дела в стране к лучшему.

И червь сомнения забуравил сознание: «Не врёт ли № 1? Правда ли, что хочет шагнуть влево, ищет большей справедливости? Или попросту мечтает стереть в порошок парламентскую оппозицию и продолжить царствовать над думским болотом? Если „золото партии“ нужно для более корыстной цели: пусть не миллиарды, зато неучтенные?» Матвей знал, что правда – это объяснение, которое устроит большинство. Однако себя относил к меньшинству, верящему в библейскую мудрость: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Верить-то верил, но, в отличие от Иоанна, считал истину вероятностной величиной. Возможны разные варианты – какой из них наиболее вероятен?

Алехин был щепетилен в финансовых вопросах. Его личная репутация и безопасность прямо зависели от того, что никто в Москве не мог упрекнуть его в нечестности. В том, что хотя бы один рубль или доллар он разделил в нарушение договоренностей. По-прежнему предпочитал засыпать без угрызений совести и ходить в туалет без телохранителей. Отныне ситуация круто менялась: в системе сложившегося патримониального управления страной найдутся жаждущие присвоить значку КПСС, как только он её обнаружит. Такие воры сидят в высоких кабинетах или открывают ногой их двери. Для них государственные деньги как морская вода: чем больше пьешь, тем больше хочется. Осторожность требовала начать с разработки мер конспирации и легендирования, с обеспечения безопасности семьи. Несмотря на возраст, его не мучил синдром тревожного ожидания, но предчувствие чего-то мерзкого усиливалось с каждым часом.

– Ты м***к, Данилин. Столько лет в кадрах работаешь, а с человеком познакомиться не сумел. Ни х*я тебе поручить нельзя, – бесновался Сосновский. – Как тебя до сих пор в Администрации терпят?

– Я попытался, но Алехин со мной даже разговаривать не стал, – оправдывался незадачливый футбольный болельщик.

– Сакаев сказал, что ты и не активничал, просто отошел в сторону. Так не пойдет, поздно из себя целку строить. В Москве хоть об лед бейся, а задружись с ним. Как думаешь действовать?

– Если его назначение таки состоится, то документы пойдут через меня. Тогда ко мне по-любому заявится. Или сам его вытащу под предлогом кадрового оформления. А если не состоится, то зачем он вам нужен?

– Это верно. Ну, смотри, Рома, не проморгай. Иначе кунаков Ахмеда придется подключить. Ты меня понимаешь?

– Безусловно. Только у меня просьба, Борис Абрамович: дочке надо квартирку снять, а то в общежитии больно тесно живет. Помогли бы. Вы же знаете, госчиновников поприжали с заграничными счетами и недвижимостью.

– Дело прое**л, а квартиру подавай! Оближи Алехина, там посмотрим. Не сделаешь, пусть дочурка бомжует в Уорике.

Глава 8

Москва

«Пропаганда» днем кормила бизнес-ланчами обладателей пиджаков и галстуков, а вечером здесь «клубилась» молодежь – дымом, музыкой, гормонами – в московском понимании глагола. Мрачноватый интерьер бункерного помещения контрастировал с пестротой наполнявшей его публики. Только что вернувшийся из США Степан Алехин делился впечатлениями о жизни в Силиконовой долине. Слушатели, среди которых превалировали радикальные левые, с удовольствием внимали словам о деградации нравов и ужасах империализма. Особенно понравился скорректированный американский лозунг *In Dog We Trust*.

Возглавлявший компанию «вечно молодой» писатель Апельсинов похлопал Степана по плечу и предложил напечатать его «американские записки» в газете «Ультиматум». Идейный вдохновитель национал-большевиков не чурался своей крайней распущенности и французского паспорта, хотя публично гнул антиимпериалистическую линию. Введенное Пастернаком словосочетание «бесстыдство таланта» к нему подходило вполне, хотя и своеобразно.

Подтолкнув локтем одну из юных слушательниц, литератор нацелил на Степана. Той и не требовался совет, чтобы, поправив облако каштановых волос, распахнув зеленые глаза и приоткрыв пухлые губы, заняться лохом из Америки. Так, истосковавшийся по социальной справедливости и романтике революционной борьбы, компьютерный талант с *green card* и банковским счетом нашел на исторической Родине то, что безуспешно искал, – объект влюбленности. «Не успел приехать в Москву, как красотка попалась», – обрадовался Алехин-младший. К концу вечера стал прикидывать: пригласить Ксению к себе или набиться к ней на ночь.

Вопрос отпал сам собой, когда Степан на улице пытался поймать нормальное такси, отказываясь от услуг «бомбилы».

– Тебе «шашечки» или ехать? – с южным акцентом острил водила.

– Кончай юморить, – отбрила новая знакомая, – двигай по бульварам к Трубной. Там покажу.

«В 02.10 объект приехал в адрес к Ксении Литвиновой, – записывал сотрудник службы НН, довольный, что на сегодня можно заканчивать наблюдение, – Колобовский переулок, дом..., квартира...». За Степаном слежка велась первый день, и удача улыбнулась уже вечером, когда после работы в офисе компьютерщик двинулся в клуб. Там расторопный наружник встретил коллег, «пасших» революционного писателя и его окружение. От них и узнал ФИО девицы. В агентурно-наблюдательном деле на нацболов та фигурировала среди установленных, но случайных контактов.

Ночью Рублево-Успенское шоссе производит менее убогое впечатление. Не видна мешанина стилей – от французских *chateau* до русских сараев. Не так давят высоченные заборы вдоль узенькой дороги. Чем дальше от МКАД, тем больше природы еще осталось по обе стороны. На подъезде к загородному дому Матвея окрестные поля заволокло белесой дымкой, через которую едва просвечивала неполная луна. «Утром будет обильная роса, – прикинул Алехин, – пойду выгуливать собак попозже». Голова пухла от событий последних дней, требовалось проветриться перед сном. Встретившая Анна прильнула, тепло дыша в ухо: «Голоден? Может, чаю?» Крутившиеся вокруг родезийские риджбеки тоже требовали долю хозяйской ласки.

– Давай лучше постоим в саду, пусть Смер и Хекса побегают, вдруг ежа найдут. Освещение не включай.

– Что же ты из Лондона не перезвонил?

На самом деле жена хотела задать другой вопрос: «Ты меня любишь?» В качестве ответа муж молча обнял и попытался, несмотря на усталость, вложить в поцелуй страсть. Фальшь была моментально обнаружена.

– Почему задержался, Матюша? И где багаж?

– Ситуация возникла, – начал старый разведчик. Как привидение в ночной мгле маячил его белый спортивный костюм. Вокруг рыскали собачьи тени. – Даже твою коллекцию аксессуаров пополнить не удалось.

– Опять вляпался? – извиняющийся тон и визуальные спецэффекты не могли отвлечь внимание женщины.

– Похоже на то. Так основательно, что придется нам развестись.

Иногда, во время редких ссор, Анна, желая для себя подтвердить любовь своего мужчины, провокационно предлагала развод. Алехин порой шутливо соглашался, и выяснение отношений заканчивалось мирно, часто в постели. Нынешние его слова повергли в ужас. Да, Матвей умел шутить с серьезным видом, ставя в тупик даже проницательного собеседника. Но только не по поводу их брака, только не с женой, только не в ночи. Погружаясь в отчаянье, она привстала на цыпочки и заглянула в глаза мужа: они смеялись также нагло, как в молодости. На душе отлегло.

– Нет, я серьезно. Так надо для дела. Временно.

– Матюша, ты меня не зли.

– Начнем бракоразводный процесс со скандалами, адвокатами и разделом имущества. Кстати, смени номер и аппарат мобильного. Но завтра. А сейчас пойдем – нас ждут супружеские обязанности.

Её рука в его руке, её глаза смотрят в его, и сердце её, и сама она так тесно связана с ним, что нельзя отличить, да и не надо – где кончается мужчина и начинается женщина. Как она могла хоть на секунду представить, что муж её действительно бросит? Они создали сами себя за долгие годы любви. Она – лучшее достижение его жизни, он – её самое ценное создание. Они – родители друг друга, дети друг друга. Счастье достижимо только для них обоих, порознь им не жить. Так бывает. Редко.

Утром приехал фельдъегерь, достал из автомобильного сейфа непримечательный аппарат спецсвязи и опломбированный пакет с «шапкой» Администрации Президента. Расписавшись в реестре, получатель велел ждать и уединился в кабинете. Вскрыв пакет, увидел два куска белого картона и между ними – конверт «Почта СССР» с оттиском марки в четыре копейки («Надо же: хранил такое старье!»). На нем рукой Адмирала выведено: «После моей смерти передать главе государства». Внутри обычный листок из блокнота в клеточку, бумага плохого качества чуть пожелтела – почти не мелованная, одна целлюлоза. Текст не разочаровал:

Москва, 27 октября 2010 года

Настоящим уведомляю Президента Российской Федерации или законно избранное лицо, выполняющее функции главы государства, что скончался. Неизлечимая болезнь вынудила меня совершить самоубийство.

В этой связи сообщаю, что в 1991 году по указанию высшего руководства КПСС лично осуществил секретную операцию по укрытию неприкосновенного финансового запаса на случай падения социалистического строя и правительства Советского Союза. Средства получены из государственной казны и предназначены исключительно для восстановления законности и порядка в стране. Кроме меня никто не располагает информацией о местонахождении запаса.

Попытка ГКЧП совершить военный переворот и предательские Беловежские соглашения ускорили распад СССР. Ни одна из влиятельных

политических сил в последующий период не предприняла реальных шагов по воссозданию Союза.

Поэтому не считал возможным передать финансовый запас в чьи-то конкретные руки. Вместе с тем было бы неправильным лишить Россию, как правопреемника СССР, этих средств.

Я пытался получить аудиенцию Президента, однако кремлевские интриганы не позволили встретиться с ним и устно доложить информацию по запасу. В условиях разгула коррупции и предательства в Москве не могу быть уверенным, что данная записка не будет перехвачена казнокрадами и вражескими агентами. Поэтому не привожу здесь описания запаса и места его хранения. Отмечу лишь, что средства были получены по линии Министерства обороны, а сама операция реализована за рубежом силами Комитета государственной безопасности.

Если данное письмо дойдет до Вас, господин Президент, то рекомендую соблюдать крайнюю секретность и осторожность, обойти бюрократические структуры и напрямую поручить поиски опытному сотруднику разведки. Целесообразно, чтобы выбранный исполнитель имел опыт загранработы в Первом главном управлении КГБ и не был связан с нынешним госаппаратом или олигархами. По моему мнению, лучшим кандидатом мог бы стать тов. Григ (пароль для связи с ним – «Евстархий»).

Честь имею.

Адмирал

Фотографическая память Алехина не требовала перечитывать записку или делать пометки. Она зафиксировала каждое слово, каждый дефект бумаги – всё, даже картинку на старом конверте – бюст Ленина. Образчик скульптуры соц-арта знаком до тошноты любому взрослому гражданину эпохи «развитого социализма». Запечатав пакет прозрачным скотчем и многократно расписавшись шариковой ручкой по границе бумаги и ленты, вернул фельдшерю. Затем пошел в бассейн и долго, с остервенением, плавал. Набирал форму перед трудной работой? Или охлаждал перегретый мозг? Затем взял собак и отправился в поля у Москвы-реки. Анна хотела присоединиться и обиделась отказу.

Матвею требовалось крепко поразмыслить. Идеально было бы поговорить – именно так к нему приходили лучшие и самые ясные идеи. Они рождались, когда вопросы и аргументы собеседника вынуждали мыслить острее и четче. Выстраивать связи, изобретать объяснения. В состязании с кем-то другим адреналин взвинчивал темп мышления, мозг улавливал взаимозависимости, прежде недоступные. Наверное, таким собеседником мог бы стать сын, но его давно не было рядом. Жену впутывать Алехин не хотел. Идя по тропинке меж высоких трав поймы, чувствовал одиночество, даже изоляцию. Мир полон людей, а доверить тайну некому. Как пошутил Президент: «После смерти Махатмы Ганди и поговорить не с кем».

Тем острее и четче всплывал последний разговор с Адмиралом где-то за год до его смерти. После своего увольнения из КГБ старый начальник прервал контакт, но когда ему сделали операцию в госпитале, Матвей не удержался и приехал. Пациент лежал с закрытыми глазами, посетитель тихо сел на стул, печально взирая на ввалившиеся щеки и обострившийся нос, на едва проступавшее под одеялом исхудавшее тело. Вздохнул.

– Ты такой шумный, – прошептал больной.

– Извините, я...

– Пришел посмотреть, не стало ли мне лучше?

– Типа того, да.

– Увы, – слабая улыбка тронула уста Адмирала. – Честно говоря, сам каждое утро удивляюсь, что смог проснуться.

– Ну, зачем вы так!

– Христа ради, Матвей признай, мое тело умирает. Сам-то я давно с этим примирился. Или ты собираешься сказать, что мне станет лучше, и что скоро поправлюсь?

– Нет.

– Слава Богу, а то медсестры так и говорят постоянно. Думают, это помогает, а их слова вгоняют в депрессию. Представляешь, вокруг хлопочут аппетитные девы, а мне лишь хочется, чтобы они заткнулись и ушли. Разве таким должен быть конец настоящего мужчины?

– А каким?

– Достойным и решительным.

О смерти бывшего начальника Алехин узнал, будучи за рубежом, через неделю после того, как на подмосковной даче Адмирал пустил себе пулю в сердце. Сразу навестил его дочь. «Отец настоял и выписался из больницы. Сильно страдал – метастазы появились в мозгу – и решил уйти из жизни, – поведала та. – В тот день папа ослеп на левый глаз и, видимо, понял: пора. Кстати, оставил сувенир вам на память». Женщина что-то передала тогда, какую-то безвкусную безделицу. «Черт, где эта вещь?» – Матвей стремительно развернулся и к неудовольствию риджбеков устремился домой.

Чудов поморщился, глядя на дисплей, будто видел там нечто отвратительное. Фактически так оно и было: служба НН докладывала, что Степан Алехин замечен в компании левацкой молодежи во главе с Апельсиновым. «Этого только не хватало, – вздохнул замдиректора разведки. – Хотя, с другой стороны, появился формальный повод держать парня под наблюдением. К тому же, он переспал с клиенткой наркоконтроля. Его сотрудники недавно задержал девушку с упаковкой галлюциногенов, и Ксении предстояло решить: ответить по закону или „стучать“ на наркоторговцев и радикальных леваков. То есть можно создать прямой канал информации по Степану». Это открывало новое поле для комбинационной игры. И не только оперативной. Собственно, все игры ведутся либо на очки, либо на доминирование. Игрю с возрастом поднадоело играть по первому варианту.

Замдиректора пытался разобраться в собственных чувствах. Вокруг Алехина-старшего явно формировался серьезный узел. Озадачивали высокий политический уровень и пока неофициальное подключение разведки. Причем последнее шло через самого Чудова, по принципу «узнай-позови-проследи». Что необычно и обидно. Директора на данном этапе попросту вырезали из схемы. Очевидно, это объяснялось тем, что тот лично не знал товарища Грига так хорошо, как его заместитель. Последнему следовало использовать данное обстоятельство в своих интересах. «Что-то я засиделся в замах, пора связаться с Кремлем – прощупать почву».

– Добрый день! Взяти ситуацию с сыном Матвея под контроль, – доложил Чудов. – Есть перспектива использования близкой связи женского пола.

– Желательно быть в курсе его дел. Действуйте мягко, только мониторинг, – предостерег Администратор. – Решение по ветерану принято положительное, оказывайте ему любую поддержку. Согласуйте с ним меры по обеспечению безопасности сына и жены. Дело на контроле у Самого.

Чудов задумался, рефлекторно провел пальцем по мохнатым бровям – дурная привычка, померил пульс, глядя на часы и, таким образом эмоционально подготовившись, набрал номер Алехина.

– Здравствуйте, звоню насчет щенков риджбека. Хотел бы завтра подъехать посмотреть, – прозвучал шутливо и заговорщически.

– Только вечером, – ответил абонент, узнавший бывшего подчиненного, хотя и рылся в кладовой комнате.

– Можно жену возьму?

– Глупый вопрос. Разумеется. Посмотрим, кого из вас собаки выберут вожаком стаи. Адрес знаете?

– Село Иславское, конец Рублево-Успенского шоссе.

– Тогда до завтра.

Наконец, отчаявшись разобраться в кладовке, Матвей позвал Анну.

– Завтра приедут Чудовы. И помоги мне найти подарок Адмирала, помнишь, я приносил? У тебя вечно кавардак в подвале!

– Интересно увидеть Варвару и Игоря. Столько лет! А то, что ищешь, лежит на верхней полке рядом со Степашинными детскими игрушками. Вон, в зеленой коробке, слева. Хаос – непонятая форма порядка. По-моему, фразу слышала от тебя, любимый!

– Надо же: красота, ум и юмор в одной женщине. Нет, ты не настоящая блондинка – красишься!

– С рождения, – рассмеялась Анна и поправила волосы, импульсивно кокетничая. Приятно порой показать свое превосходство. Особенно радовало, что муж его признал. Есть радости в жизни!

Матвей не верил глазам и ощупывал находку – точно такой же советский бюстик Ленина, как на старом конверте с запиской Адмирала. Размер сантиметров десять, потускневший белый гипс, цена 7 руб. 50 коп. Голова похожа на вождя мирового пролетариата, только резче и грубее очерчена, мощная шея, словно борца *сумо*, а не кабинетного затворника. На основании тряпочка, чтобы удобнее ставить на стол или шкаф. Краешек отклеился. Потянул, лоскут отошел: под ним надпись от руки по-арабски и дата «22.08.1991». «Ах, старый лис! – восхитился оперативник, – провел даже меня. Класс!»

Не осталось сомнений: послание из прошлого, адресованное Президенту, как-то связано с позабытым подарком бывшего шефа. В памяти всплыла сцена, как удрученный его смертью Матвей велел жене «спрятать с глаз долой» коробку с гипсовой башкой. Но не выбросить!

Адмирал владел арабским в совершенстве, Алехин – только европейскими языками. Первая мысль: поспешить в Институт востоковедения Академии наук – надпись требовала перевода. Сразу же одернул себя: поездка неблизкая и легендировать её непросто. Не следовало забывать и о возможном наблюдении со стороны одной из российских спецслужб, каковых в распоряжении Президента хватало. Пассажир № 1, предоставив ветерану большие полномочия, вряд ли оставил полностью вне контроля. Опять же, мобильник спецсвязи обязали всегда иметь при себе, а отследить перемещение аппарата – задача элементарная. «Не надо мельтешить, решение придет».

В задумчивости выйдя за забор, побрел по поселку. Смер и Хекса следовали справа и слева, чуть опережая. На свою беду, вернее, удачу решил перейти улицу строитель-узбек, работавший у соседей. Риджбеки тут же отсекли ему путь вперед и назад, молча подняв рыжую шерсть на холках и вытянув хвосты струной. Смуглый парень замер с мастерком и ведром раствора в руках.

– Собаки не тронут, – на автомате заверил Алехин и тут же добавил, – если скажешь, где тут поблизости мечеть.

– Близко нету. С ребятами едем вечером в Москву, на Поклонной – большая мечеть. Что надо, начальник?

– Жди здесь, скоро вернусь. Смер и Хекса, охранять!

Через пять минут рабочий стал богаче на несколько банкнот и исчез на стройке, бережно спрятав в карман скан арабской загадки. Дату Матвей предусмотрительно не скопировал. Ему она была абсолютно понятна, а остальным о ней знать не следовало – ни мусульманам на Поклонной горе, ни православным на Боровицком холме.

Глава 9

Дата

Анна пошевелилась рядом, сдвинув шелковые простыни. Мужчина затаил дыхание, пока женщина вновь не погрузилась в глубокий сон. А ведь в былые годы прижался бы к жене в такой ситуации, и начались бы ласки и поцелуи, смешки и стоны. Потом простыни полетели бы в сторону, и тела совместно стремились бы к вершине удовольствия, которую умели достигать.

Теперь же, глядя на Анну в предрассветной полумгле, окутавшей спальню, пытался вспомнить, когда же магия утратила силу. Нет, не исчезла: они всё еще занимались любовью несколько раз в месяц. Но не несколько раз за ночь. Анна по-прежнему привлекательна, конечно, не как девушка – годы не те. Тело свежее и сочное, с приятным женским запахом. Лицо живое и веселое. Белокурый ореол волос струился по подушке. Правда, морщинки появились вокруг глаз, голубизна которых поблекла, прозрачная кожа на кистях рук также предательски выдавала возраст.

Нынче жена носила длинную ночную рубашку вместо коротких *неглиже*, которые ему так нравились. Они стали принимать душ в одиночку, меньше разговаривали и почти не ругались, как бывало раньше. Больше сдержанности и благородства, что ли? Во всяком случае, Матвею так хотелось думать. Или десятилетия и заботы притупили чувства, изменили персональную химию отношений? Не хотелось размышлять в биологических терминах, хорошо ему знакомых, однако, похоже, затухание чувств предвещало физиологическое старение. Пусть не скоро, и всё же...

Комфортная жизнь в трехэтажной резиденции на Рублевки убаюкивала и обволакивала. С каждым месяцем реже хотелось выезжать в Москву, общаться с незнакомыми людьми, начинать новые дела. Проще замкнуться в своем мирке, привычном и безопасном. Душа, само собой, тосковала по отсутствию интриг и приключений, жаждала стимулов и вызовов, но, главным образом, в теории, без конкретики. Трудно далось решение повернуть операцию «Квитанция» – спасибо Чудову, что выкрутил руки. Ведь результатом стало огромное личное удовлетворение и помощь не «этой стране», а России. Алехин стеснялся ставшего почти ругательным слова «патриот», не называл себя так, но был сыном Родины. Одним из миллионов молчаливых и безымянных, на которых только и держится страна.

Как прожить оставшиеся активные годы? Можно бесцельно и бесполезно, как многие обеспеченные соотечественники. Перейти на растительный образ жизни: просто смотреть ТВ, ездить за границу, плавать в бассейне и гулять с собаками. Если нет цели и дела, для чего жить? Греть телом одежду *Gucci*, жаловаться на прожарку *dorado* и выдавливать переваренную еду через *anus*? Абсурд!

Адмирал являл собой иной пример, до конца пытался выполнить непосильную задачу восстановления Советского Союза. Точнее – сохранения средств, когда-то выделенных для этой цели. И полунищим ушел из жизни, не взяв ни копейки из спрятанного сокровища. Ушел, оставив в свойственном ему стиле точные, хотя криптографические зацепки для Президента. Элегантно обеспечил безопасность своего сообщения, введя в уравнение товарища Грига. Безусловно, шел на риск, что Алехина оставят не у дел, но тогда бюстик Ленина так и валялся бы в кладовке. А без него искать, скорее всего, бесполезно. Старик не решился доверить главе государства все секреты, использовал бывшего подчиненного в качестве «ключа к шифру». Отчего-то бывший шеф уверовал в способность Матвея не только найти «клад», но и правильно им распорядится. Здесь подсказкой являлась дата.

Москва, 19 августа 1991 года.

Оперработник спал крепко, как и полагается в отпуске на Родине. Телефон в квартире задребезжал некстати.

– Какого черта?

– Включи телевизор, – раздался голос коллеги, дежурившего по отделу.

«Лебединое озеро» и сообщение о введении ЧП мигом прояснили сознание. Одевшись и поцеловав Анну со Степой, оперативник помчался в загородную штаб-квартиру. По Ленинскому проспекту ползли танки. Растерянная Москва смотрела на них с тротуаров и из окон. В обычно людном секретариате начальника ПГУ КГБ царила пустота. Нет и хозяина в кабинете. «Играет в теннис, – шепнул его помощник, – ни с кем не разговаривает, совещаний не проводит».

У стенки на корте спорткомплекса стучала мячом знакомая фигура. Обычно её обладатель посещал бассейн, теннис считал пижонством. С ракеткой смотрелся карикатурно. Узнав Матвея, остановился.

– Разведка в заговоре не участвует, – объявил без преамбулы. – Проведу здесь, на виду, целый день, пусть сотрудники поймут, что с ГКЧП дел не имею. И сделают для себя правильные выводы.

– Мои действия? – в лоб спросил Алехин, моментально сделав «вывод».

– Сам решай. Будь я простым опером, махнул бы на базу «Вымпела», предостерег бы от ошибок в трудное время. Отряд ночью забрали из моего подчинения прямо под командование Председателя КГБ. Надеюсь, ты не забыл, что у начштаба псевдоним «Батя». Пароль к нему «три девятки».

– Уже еду.

На базе почти никого не осталось. «Группы выдвинулись к объектам», – пояснил озабоченный начштаба, услышав пароль от Адмирала.

– Что затевается? – поинтересовался Алехин, знакомый с полковником по Афганистану. – Кровищи же море прольется, не отмоетесь.

– Дело – дрянь. Конкретных приказов нет, одни намеки и недомолвки. Боюсь, добром не кончится. Вот велели и дачу Президента РСФСР окружить, непонятно зачем.

– Пока Генсек в Крыму, Ельцин – главный оппонент ГКЧП. Чего уж тут непонятного. Покажи место на карте, поеду разбираться.

– Вот оно, только я тебе ничего не говорил, – облегченно вздохнул офицер, который понимал, что бойцов спецназа не просто так посылают обложить руководителя РСФСР. – Командиром там Балхаш, ты его должен помнить по Афгану.

Ильинское шоссе оказалось практически пустым, и Матвей выжимал из старого «жигуленка» последние силы. Машина завывала, покрышки с трудом держали её в поворотах. Из стеклянного «стакана» выскочил гаишник с жезлом, однако оперработник даже не притормозил. Милиционер отпрыгнул в сторону, чуть не проглотив свисток. За парком дворца «Архангельское» дорожка уходила к старице Москвы-реки. На обочине стояли две черные «волги» и автобус ЛИАЗ с серыми занавесками на запотевших окнах – из одного торчала антенна полевой радиостанции. «Нашел!» – обрадовался разведчик и остановился. Подошел автоматчик в новеньком комбинезоне ВДВ.

– Проезд закрыт! Разворачивайся!

– Меня Батя прислал. Где Балхаш? – прокачивал ситуацию Алехин, когда уловил движение сзади.

Второй спецназавец также держал АКСУ-74.

– Я – Балхаш. Что надо?

Выражение его лица сразу изменилось, когда разведчик повернулся.

– Ой! Вы-то здесь какими судьбами?

– Привет боевой товарищ! У нас с Родиной одна судьба. Отойдем?

Алехин не курил принципиально, но от предложенной сигареты не отказался, понимая, что офицер пытается снять напряжение.

– Какой у тебя приказ? – спросил Григ.

– Подняли по тревоге, приказали: «Взять в кольцо и наблюдать. При враждебных действиях открывать огонь». Полный абзац!

Разговор продолжился, закапал дождь, боец принес плащ-накидки.

– Слушай, Балхаш, мы с тобой прямо как два маршала из кино про войну. Пора принимать решение.

– Нам «чрезвычайка» не нравится, а заваруха тем более не нужна. Но ваша идея рискованна, в том числе лично для вас. Вдруг, пока будете на даче, поступит команда «Гром»? Сами понимаете, если выполним и зачистим дачу, все внутри погибнут. Не выполним, пойдем под трибунал.

– Вот, если начнешь штурм, то попадешь под суд Истории, приказом не прикроешься. За меня не волнуйся, действую по своей воле. Пойду я.

– Пропустить человека на вход, – осипшим голосом (от волнения или бесконечного курева?) произнес в рацию Балхаш.

В калитке казенного забора ожидал краснощечий мальчик, подобранный Ельциным в охрану, видимо, за приличный рост и кубатуру. Неизбежный «калаш» казался игрушечным в его ручищах. «Один, что ли, я сегодня без оружия?» – мелькнуло в голове визитера, на ходу снимающего пиджак и выворачивающего карманы.

– К хозяину веди. Гургундис тоже здесь? Скажи, Алехин прибыл.

С визирем российского лидера разведчик познакомился в Стокгольме. В Скандинавию хлынул поток политиков, экономистов и прочих советских гостей, иным из которых Адмирал велел оказывать помощь. Гургундис выделялся интересом к зарубежному обществу и его достижениям, желанием применить их в СССР. Пыл, по сравнению с другими, меньше. Правда, оперативнику не понравилось, что депутат вдруг сменил ударение в фамилии и, попав в верхушку РСФСР, стал любителем ранее осуждаемых привилегий номенклатуры. Сейчас детали не важны: на кону будущее страны.

– Доброе, надеюсь, утро, Гена!

– Матвей, ты откуда? – взволнованно спросил визирь.

– Из штаб-квартиры разведки. Наша контора в ГКЧП не участвует.

– Хоть какая-то хорошая новость, а то мы здесь почти ничего не знаем. К нам никого не пускают. Без гарантий безопасности выехать нам отсюда невозможно – мы не можем рисковать жизнью Ельцина.

– Дача оцеплена спецназом «Вымпел».

– Охренеть! Идем, расскажешь.

В гостинной ощущался запахок вчерашнего сабантуя. Участники, включая российского президента, пребывали в растерянности и набросились на «человека с воли». После уточнения обстановки приняли план Алехина. Времени в обрез. Расселись по машинам.

– Балхаш, дай коридор. Вывозу «Медведя» на трассу.

– Принято. Скорость не выше 100. Сопровождаем.

Колонна выскользнула на шоссе и с казэбэшиным эскортом промчалась через замерший город на Краснопресненскую набережную. Там собирались люди: народ желал защитить Ельцина, как последнюю надежду свободы.

Впереди ждали три исторических дня: оборона Белого дома, пресс-конференция путчистов и поражение ГКЧП.

22 августа Адмирал стал Председателем КГБ. Всего на сутки. Ночью автокраны под улюлюканье толпы свалили статую Дзержинского. На следующий день главный кабинет на Лубянке занял предатель Бакатин.

Ксения проснулась ближе к полудню. Глупый Степашка, опять ночевавший у неё, умчался ни свет, ни заря в офис МобТелекома. Девушка не работала, учебу бросила и имела массу времени. Хотя свободным его назвать сложно: *Facebook, shopping, pilates, night clubs*. С недавних пор еще и *drugs*. Дотация, поступавшая от отца-бизнесмена из Красноярска, и подарки от случайных любовников обеспечивали безбедную, но не шикарную жизнь. Где столько соблазнов! Короче, «бабок» не хватало. К тому же папик, который тяготился взрослой дочерью, обещал сократить финансирование, поскольку она завалила экзамены второго семестра в универе. Сибиряк с крепкими кулаками всегда хотел сына и никогда не привечал девочку, даже при жизни ее матери. Отправив в столицу, вздохнул с облегчением.

– Жест! Не идти же на панель? – не без мазохизма вздохнула Ксюша, с удовлетворением разглядывая вытянутую из-под одеяла стройную лодыжку. Мечтала стать моделью, а в агентстве выяснилось, что нужны только рослые и плоские «вешалки». Тамошняя главная отрезала: «С твоей грудью здесь делать нечего». Когда девушка огорчилась, женщина удивилась: «Ты что, обаяшка! Другие платят деньги, чтобы бюст увеличить. Повезло тебе: отбоя от мужиков не будет! Выскочишь замуж в два счета». Отказ обидел, хотя обещанное мужское внимание льстило. Попав в Москву, искала любви и была готова любить всех. Обитатели мегаполиса использовали её тело и душу, но любили лишь себя – и то далеко не всегда.

«К черту заботы, надо сесть на подоконник, высунуть ножки в окно и сфоткать на фоне улицы, – пришла идея. – Друзья в „Одноклассниках“ обрыдаются от зависти. Степашка завизжит от восторга. Только педикюр обновлю». С тем и успокоилось девичье сердечко. Хотя на горизонте маячила темная туча из-за неудачной попытки «срубить капусту». Литвинова с месяц назад согласилась на предложение парня из клубной среды «подержать» в сумочке пакетики с «витаминчиками», которые тот распространял среди посетителей. Хотя ей самой больше импонировало американское название – *Recreational Drugs*. Английский знала хорошо, УК РФ – плохо.

Созданные «для развлечения» наркотики завоевали ночной мир планеты. Порок прикрывался лозунгом «ответственного употребления»: не часто, в малых дозах, не за рулем, в контролируемой обстановке. И под разными названиями рядился в разные одежды. Ксения понравились «колеса» с активной субстанцией, используемой в аптечных лекарствах. Артурчик, так звали барыгу, предложил попробовать первый раз бесплатно. Девушку поразило, что кайф накачивал нелинейно, а волнами: одна, вторая... пятая. К тому же она оказалась из числа «счастливчиков», для которых музыка усиливала действие препарата, стимулируя эйфорию. Остальным же приходилось довольствоваться искаженным восприятием зрительных образов и слуховых сигналов, потерей чувства времени.

Галлюциноген позволял клиентам уйти из «серой действительности», воспарить над окружающим миром. Не бесплатно для здоровья и кошелька. Ксюшин дебют в продаже таблеток состоялся в «Рио-де-Жанейро» – огромной барже-клубе, взятой на abordаж сотрудниками наркоконтроля прямо посреди Москвы-реки. Артура с пустыми карманами не задержали, а Ксения очутилась в «обезьяннике». Полицейские процедуры по схеме, затем Литвинову отпустили, взяв за это все имевшиеся у неё деньги. За отказ от возбуждения уголовного дела выкачали совсем иную сумму – 20 тысяч долларов! Пока обязали не покидать город.

Подобных денег у незадачливой наркоторговки не было, но время шло, и ужас той ночи стал растворяться. Родилась надежда, что о ней забыли. Однако, система просто переваривала данные на задержанную: попав в компьютеры, её имя привлекло внимание сначала спецслужбы, наблюдавшей за Апельсиновым, затем – разведки, интересовавшейся Алехиным-младшим. Предстоял выбор между отложенным правосудием и оперативным использованием. Линия жизни на ладонке девушки раздваивалась или, как бы научно сформулировал Степан, приближалась к точке бифуркации. Взятчики из «госнаркоужаса» не тро-

гали Ксению лишь потому, что та оказалась в поле зрения Государства. Они справедливо полагали, что, если девица из него выпадет, то её можно будет раскрутить на серьезную сумму.

Поставщик «витаминов» также ничего не забыл. Барыга пока размышлял, как действовать дальше. Глупышка стала жертвой в его игре с операми. Возможно, она согласилась сотрудничать с ними и тогда её трогать нельзя. Или её вообще посадят. Дилер решил дать ситуации отстояться. И тут – да здравствуют высокие технологии! – в социальную сеть вывалилась фотография дурехи во всей её длинноногости и зеленоглазости, с реляцией о любовной победе России над Америкой. Её страничку Артур регулярно посещал, как и странички других подручных и покупателей. Соцсети – мировая машина шпионажа и наблюдения, которую наивные пользователи пичкают личной информацией. «Чуток выжду и подою Ксюхино вымя третьего размера», – наметил он. В мире наркобизнеса платят все: так или иначе, раньше или позже.

Окрыленный новизной московской жизни Степан с удвоенной энергией занимался обновлением протоколов для очередного поколения мобильной связи. Его американский работодатель выиграл контракт в Москве. Компьютерный талант, проснувшийся в детстве при общении с игровыми приставками, развился с годами и позволил выпускнику московского Физтеха перебраться в Калифорнию. Сняв интеллектуальные пенки с обнищавшей России в 1990-е, американские корпорации направляли плоды их работы на Родину в виде высоких и дорогих технологий. Алехин-младший покинул Москву вопреки воле родителей и нынче, приехав в командировку, даже не сообщил им о возвращении. Толчком к поездке стала встреча с прежним президентом РФ – большим любителем гаджетов. Посещая Кремниевую долину, тот пригласил компьютерщиков в Сколково.

Степан задумал сотворить *start up*, однако первый же визит в «потемкинскую деревню» неприятно удивил. Футуристические параллелепипеды и кольца центра инноваций, как и роскошные жилые кварталы вокруг противоречили внедренческой идеологии, свойственной американским изобретателям, часто начинающим работу в гараже или подвале. Добило то, что правительство доверило руководить процессом миллиардеру, заполучившему солидные куски советской металлургии и нефтянки. Нувориш коллекционировал царские украшения и чужие идеи. Исключительно «в национальных интересах».

Зато в Сколково удалось познакомиться с молодыми ребятами, критически, если не революционно настроенными. Их рассказы завораживали. Особенно после знакомства с Ксенией и её друзьями. Они, кстати, и подсказали Степану альтернативный путь реализации проекта. В клубах встречались разные люди.

Глава 10

Намек

В беседке приняли по первой рюмке замороженного *аквавита Lysholm Linie*. Изготовленный из лучшего спирта, настоянный на смеси трав и специй, продукт выдерживали в старых бочках из-под вишневого ликера, а затем кораблем отправляли из Норвегии до Австралии и обратно. Морская качка и штормы взбалтывали и перемешивали его, что, как согласились Алехин и Чудов, шло на пользу крепкому напитку.

– Зачем приехал? – без околичностей спросил Матвей, угостив ученика и коллегу.

– Поинтересоваться, какая нужна помощь, – обтекаемо отвечивал замдиректора СВР. – Приказано оказывать любую.

– Это Верховному нужна поддержка, а не мне.

– Ну, содействие, если быть точным, оперативное.

В саду появилась горничная и обозначила своим присутствием, что хозяину, возможно, стоит обратить на неё внимание.

– Секунду, Игорь, – извинился Алехин, – никак не могу обучить домашний персонал деликатности.

– Матвей Александрович, к вам пришли, – сообщила служанка.

– Ты же видишь, у меня гости.

– Там узбек с запиской. Говорит, вы его ждете.

За калиткой топтался парень-строитель, побывавший в мечети. В довольном настроении, пока не увидел риджбеков. Собаки заняли боевые позиции, выгодные для любого варианта общения с пришельцем. Он него исходил запах страха. А без причины человек не должен бояться собаки. Значит, что-то не так, и необходима готовность к неожиданностям. Как у хозяина. На генетическом уровне четырехпалые выходцы из Родезии не соглашались с тезисом, что человек главнее собаки. «Хозяина и хозяйку – уважаем. Их гостей – принимаем, с осторожностью. Остальных – считаем угрозой, явной или потенциальной».

– Господин, привез перевод с арабского. Помощник имама сделал.

– Молодец. Давай.

На листке короткая поговорка: «Кто не понимает намеков, тот глупец».

– Зайди через пару дней. Есть работа по ремонту дорожек. Возьмешься?

– Обязательно, хозяин. Спасибо большой.

Качая головой («Адмирал шутит! Шарады загадывает!»), ветеран вернулся в беседку.

– Дура-дурой. Вызвала, потому что пришел рабочий – плитку в саду менять завтра будет. Видишь, выщерблена. Так о чем мы говорили?

– О том, что надо опергруппу собрать. Могу предложить кандидатуры в зависимости от потребностей.

– В прошлый раз мы чуть не прокололись из-за предателя, работавшего как раз в конторе. Сам выберу людей, а ты их одолжишь из оперсостава или привлечешь к сотрудничеству, если они будут со стороны.

– Организуем. Намекните, Матвей Александрович, о чем идет речь.

– Как обычно, попробуем огорчить тех, кто покушается на безопасность Родины. Только гляди, Игоряша, на сей раз расклад крутой. Всерьез опасаясь за судьбу «участников соревнований». Если готов рисковать, играем до конца. Если нет, могу тебя деликатно отсеять, начальство ничего не заподозрит. И еще: пойдешь поперек моих решений, сотру в порошок. Выпей *аквавита*, пораскинь мозгами.

– Да всё уже решил и Администратору обещал. Готов работать.

– Тогда будем по шведской привычке опять на «ты». Надо организовать охрану Анне и Степану. Есть мысли?

– Угрозы пока не вижу, но охрана доступна. Официально могу приставить телохранителей к Варваре, а Анну к ней подтянем. Повод придумаем.

– Как Варин журнал называется?

– *Posh Life*. Знаешь, для богатых дам, жаждущих гламура, и для бедных девушек, стремящихся жить не по средствам.

– Отлично. Пойдем к нашим возлюбленным.

Женщины, давно не видевшие друг друга, щебетали, видимо о *fashion* и о Милане, где старшая была недавно проездом к друзьям на озеро Комо, а младшая обреталась каждый второй месяц на показах свежих коллекций. Они выглядели как сестры: только Варя родилась на десять лет (раньше) позже и красота её ближе к классической. Но вот Анна рассмеялась, и легкий румянец сократил разницу в возрасте, вновь у Матвея возникло ощущение сходства, если не родства женщин. Конечно, если не приглядываться к деталям: у младшей осанка прямее, у старшей грудь больше. Еще цвет глаз разнится. Обе поднесли бокалы к влажным губам, шампанское одновременно ударило им в голову и они синхронно засмеялись.

Страхнув наваждение, хозяин пригласил к столу. Ужин состоял сплошь из скандинавских блюд, привычных по совместной разведработе в Швеции.

– Знаете, что самое важное в лисичках? – отложив вилку и нож, поинтересовался ветеран, когда прикончили оленину с грибами.

– Ну, там много минералов и прочего.

– Главное – *хиноманноза* – её червь не переносит, поэтому его в лисичках и не бывает. Мы их риджбекам даем для профилактики глистов.

– Шутите, – хихикнула Варвара. Игорь, уверенный в биологических познаниях Алехина, промолчал.

– Только насчет собак. Перейдем к десерту.

Уселись в кресла на веранде. Хозяин безуспешно предложил дамам по рюмочке охлажденного *Limoncetto Capri* и взялся за гостью.

– Эх, Варя, как я скучаю по журналистике. Помнишь, ты пришла стажеркой в редакцию, а потом появились два шпиона – мы с Игорем. А ведь ты мне до сих пор должна за твою первую персональную публикацию. По Афганистану. Я организовал.

– Разумеется, Матвей Александрович. Долг платежом красен?

– На лету схватываешь, настоящая *бизнес-вумен*. Возьми Аннушку на работу в редакцию. А то она заскучала, упрекает, что я прервал её удачную карьеру в сфере дистрибуции парфюмерии. И потом мы с ней скоро разводимся, надо же брошенной мужем бедняжке зарабатывать на пропитание. Писать будет под девичьей фамилией.

– Вы, серьезно? – главный редактор выглядела обескураженной.

Чудов и Анна в унисон кивнули: первый, заранее предложивший идею Матвею, вторая, ничему не удивляющаяся в замыслах супруга.

– Нас, мужиков, тут втянули в авантюру. Без помощи женщин не справиться, – Алехин добавил аргумент-комплимент.

– Коней на скаку останавливать? В горящую избу входить? О чем речь?

– Будете нас ругать, много работать, часто ездить за границу. Анна отсудит у меня деньги и имущество. Жить станет в нашей городской квартире, рядом с подругой Варварой. В общем, вы обречены на дружбу великую и трогательную, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

– Весьма неожиданно, – прошептала Варя. – Даже не знаю.

– Это на полгода максимум. Если журнал понесет убытки, контора их компенсирует. Верно, Игорь?

– Так нужно для дела, Варя. Ситуация неординарная.

Разговор затянулся за полночь. Отвергнутая порция *Limoncello* пригодилась, затем еще одна. Пока женщины долго прощались, обсуждая планы на совместное будущее, Алехин взял Чудова за пуговицу.

– Что по Степану?

– Ты извини, пришлось сообщить Администратору об его приезде...

– Понимаю, служба.

– Вот-вот. Они бы все равно узнали в ходе сбора материалов на тебя. Как быть с его охраной? Чтобы приставить телохранителя, надо его согласие – поговоришь с ним? Или организовать наружное наблюдение?

– Первое предложение нереальное – он с нами не общается. Второе лучше, только вдруг Степа заметит наружку? Испугается, попробует покинуть страну. Вы же его не выпустите, пока я не выполню поручение Самейшего.

– Есть у меня один ход, не совсем законный. Тебе лучше не знать.

– Что ж, попробуй, – согласился ветеран, допустив ошибку. Позже она обернется победой. Но какой ценой!

А первым его промахом стало излишнее доверие к жене. По его просьбе Анна действительно сменила сим-карту и мобильник. Однако, тайком от мужа, прежний телефон оставила в кладовке, включив переадресацию на новый. Мать надеялась и ждала звонка от сына, знавшего её старый номер. Шли годы, отпрыск не проявлялся. Обрезать последнюю нить женщина не решилась.

Степан и не помышлял звонить родителям, по крайней мере, пока не добьется ошеломляющего успеха в бизнесе. «Вот тогда они поймут, что были неправы в том споре, как и где жить», – мечтал порой. Не сейчас, ибо талант шел со встречи с гением компьютерного мира. Она состоялась по совету новых московских друзей. Двигаясь к метро, парень укреплялся во мнении, что на сей раз повезло. Атмосфера в офисе корпорации выгодно контрастировала с дворцами Сколково. Очевидно, сюда государство деньги не инвестировало, зато прикладывали силы и мозги трудолюбивые и умные люди – сугубо в частном порядке. А начинали они в зачуханной промзоне и закалились в спартанских условиях, совсем не подходящих для теплокровных растений из хрустальных теплиц в «потемкинской деревне».

В стерильном офисе Лаборатории Вяземского царили минимализм в дизайне и деловитость в общении. Компания без поддержки властей приобрела мировую известность своими антивирусными программами. Бизнес шел бойко, по нарастающей: мировые IT-гиганты и простые «юзеры» охотно пользовались интеллектуальными товарами из России. Степан надеялся найти партнера в лице корпорации, предложив свой проект борьбы с вторжением вирусов в ПО смартфонов и планшетников. Антивирусный *гуру* проявил интерес.

«И чего торчит в России? – недоумевал Алехин-младший. – С его умищем, сотрудниками и деньгами мог бы перенести штаб-квартиру хоть в Штаты, хоть в Сингапур. Надо при случае выяснить, что его удерживает на Родине». Впереди показался светлый зев метрополитена. Увидев часы у входа – «опаздываю!», поймал частника. Приземлившись на заднее сиденье, молодой человек переключился на более интимную тему – Ксению. Руки, лежавшие на сумке с мощным ноутбуком, дрогнули, вспомнив текстуру нежной девичьей кожи, словно подсвеченной изнутри энергией молодости. Пальцы вспомнили каждую деталь её тела, каждую интимную щелочку, раскрывавшуюся им навстречу.

За тактильными воспоминаниями мощно нахлынула волна зрительных и слуховых образов. Как изгибалась и вибрировала девушка под ласками. Как вздыхала и постанывала от удовольствия. Рефлекторно взглянув на водителя – не заметил ли тот его эрекцию, поразился своей глупости – какое тому дело до чужих эротических видений. Путь лежал в загородную Жуковку, где в ресторане ждала Литвинова с подругой и её бой-френдом из Франции. «Надо

аккуратно поговорить с Ксюшей насчет ночной жизни – мои доходы не позволяют часто гулять в злых местах, особенно на дорожке Рублевке».

Если бы Алехин-младший владел азами психологии, то мог бы по Ксюшину характеру и поведению определить особу, способную не только нравиться мужчинам, но и добиваться от них своего. Увы, влюбленность ослепляла, а благие помыслы исчезали при виде объекта психоанализа. До встречи с ним оставалось минут двадцать езды, но у провидения часы идут иначе.

«Дача» еще только расцветала красками пятничной ночи. Среди подъехавших машин «уазик» выделялся нехарактерной для сего места скромностью и синими номерами. Местных полицейских встретил у входа московский оперативник.

– Здорово, коллеги, покажу, где она сидит.

Прошел в зал ресторана и замешкался возле столика с двумя красивыми русскими девушками и одним лощеным французом. Компания над чем-то хохотала. Чуть пристальнее взглянув на ту, что зеленоглазая, опер вернулся и бросил приехавшим сотрудникам полиции:

– Действуйте. Без ошибок и грубостей.

– Не вопрос. Любительница, криминального опыта ноль. Мы её чуть прижмем, никуда не денется.

Когда Ксюша пошла поудрить нос, у туалета её встретили двое мужчин в форме, чей серьезный вид никак не соответствовал веселью публики.

– Девушка, вам еще 18 лет нет, а уже распиваете спиртное в заведении.

– Мне 20.

– Предъявите документы, – старший постучал по кнопкам наладонника, хмыкнул. – Литвинова Ксения Владимировна?

– Да, а что?

– Вы задержаны за нарушение подписки о невыезде из Москвы. Мы доставим вас в отдел внутренних дел.

– Вы с ума сошли, я тут с французским гражданином.

– Вместе с вами торгует наркотиками?

– Нет, он – пластический хирург.

– Тогда пусть остается. Пройдемте в машину.

– Не могу, жду моего парня.

– Тоже француз?

– Нет, русский.

– Фамилия, имя отчество, год рождения?

– Алехин Степан Матвеевич, 1982, – автоматически произнесла девушка, успевшая заглянуть в паспорт приятеля.

Введя данные в компьютер, полицейский хмыкнул и показал экран коллеге. Тот выругался: «Б***ь! Его отец – большая шишка». Старший кому-то что-то пробубнил в трубку, долго слушал, кивал головой и в конце отрезал: «Есть»!

В ОВД «дежурный», он же московский опер, обрисовал задержанной ситуацию: оформляем задержание, до понедельника «отдыхаешь» здесь, потом передаем столичным борцам с наркотиками.

– Жалко тебя, девонька. Позвонить-то есть кому? На, телефон, набери.

Друзья удивлялись долгому отсутствию Ксении, хотя пластический хирург горевал неискренне: спать собирался с одной девушкой, а оплачивать ужин за неё и подругу казалось неэкономным. Появившийся Степан его обрадовал – счет удастся располовинить.

– Зря Ксюха ела *карпаччо*, – не слишком убедительно соврала пассия француза, – лосось у неё плохо ложится. Уже полчаса, как ушла в туалет.

Звонок из ОВД развеял хилую версию. Жизнь повернулась к Степану новой стороной.

– Ты, хлопец, гонор-то поубавь. Деваха по наркоте проходит – серьезная история. В понедельник отконвоируем в Москву. И деньги не предлагай, а то тебя за дачу взятки привлечем – статья 291 УК – до 2 лет.

– Что же ей сидеть тут три дня, – ужаснулся герой-любовник, примчавшийся спасать подружку.

– Либо забей на неё, – доброжелательно посоветовал московский опер, – либо прикинь, кто может помочь. По нашей базе данных видно, что твой батя – непростой человек. Сам решай.

Анна уже спала, когда на ночном столике завибрировал аппарат.

– Степа, любимый! Где ты? Как ты? – материнская радость моментально сменила сонливость. – ЧТО!?! Передаю трубку папе.

В ОВД Матвей, сперва ненадолго уединившись с «дежурным», обратился, наконец, к сыну.

– Здравствуй, Степа. Девушку выпустят. Но она остается под следствием, – механически говорил, жадно рассматривая блудного сына («Как возмужал!»).

– Спасибо огромное. Только в России всё не по-людски, всё по блату. Поэтому я и уехал, поэтому ты со мной поругался.

– Ты уехал. Я не ругался. Что касается блата, то спроси своего приятеля Слуцкого, как он курнул марихуаны в Нью-Джерси и попал в полицию. Только на третий день его оттуда вытащил раввин штата. Заметь, речь шла о мальчике из хорошей семьи, не продававшем *экстази*.

– Ты что, раввин?

– Практически – осталось сделать обрезание. Кстати, мама приглашает в гости. Можешь захватить Ксению. Сделай нам приятное.

– Дальше сможешь ей выпутаться?

– Вот это хватка! Американский бизнес-стиль! Уже торгуешься! Давай отложим переговоры на утро. Вон твоя красотка дефилирует. Жду в машине.

К гордому собой мужчине и плачущей от радости девушке подгрел «дежурный».

– Ты держись за своего золотого дружка, – по-отечески посоветовал Литвиновой. – Не забудь мне вискаря хорошего завезти, – по-деловому напомнил Алехину-младшему.

Глава 11

Дача

Чудов смотрел в окно на лес, окружающий загородную штаб-квартиру разведки. Как всегда в конце лета, выводки птиц порхали по территории, обнесенной тремя защитными барьерами. После пары дождливых дней вернулось тепло, и здорово бы пойти по грибы, только сегодня, увы, понедельник, и Алехин с утра уже успел озадачить. Похоже, старый друг и наставник встал на след и отбросил сомнения относительно задания Верховного. Это хорошо. Плохо, что стал буквально непрозрачным: ни лишнего слова, ни намека – одни просьбы. Затребовал группу физической поддержки: «И пусть возглавит опер, что помогал мне по афганской теме». Игорь сознавал, что нужно ввести в игру Алехина своего проверенного человека. Поэтому контакт с Литвиновой решил поручить Марии Шпагиной, также участвовавшей в операции «Квитанция». Молодая сотрудница имела опыт работы с ветераном, а значит, сможет разнюхать, что и как.

Пока Заместитель раздумывал, как проникнуть в замыслы Матвея и, возможно, заработать, таким образом, очки в глазах Администратора и Первого лица, его непосредственный начальник размышлял над желанием Президента лично пообщаться с Алехиным при участии Чудова. Такой расклад не радовал. И он провел совещание руководящего состава службы, где потребовал «прекратить самодеятельность» и четко «соблюдать правила принятия и исполнения решений». Всем стало ясно, что впредь, по крайней мере временно, Директор хочет быть в курсе событий и деталей, в которые ранее старался не вникать.

После совещания начальник Управления по работе с национальной территории счел за благо проинформировать шефа о приказах товарища Чудова, которые не вписывались в рамки запланированных и утвержденных разведывательных мероприятий. В частности, рассказал о выделении нескольких оперативников в распоряжение Грига, причем часть из них совсем недавно действовала под его командованием в сверхсекретной операции «Квитанция». Это утвердило слушателя во мнении, что Заместитель слишком много на себя берет и старается выслужиться непосредственно перед Президентом. Сие означало подрыв позиций Директора, чреватый выходом его за ма из-под контроля. «Неблагодарный карьерист. На мое кресло зарится, – обозлился тертый в кремлевских играх калач. – Преподам ему урок, чтобы другим неповадно было. И лучше чужими руками».

Шпагина уже несколько лет работала в разведке. Энергичная незамужняя женщина начала научнотехническим сотрудником, но в ходе операции «Квитанция» приобрела ценный оперативный опыт. Тогда успела перевоплотиться в «доктора», «коммерческого директора» и даже «любовницу» Алехина. Сегодня предстояло закосить под полицейского. Приехав район Колобовских переулков на черном «форде», возле старомосковского дома, где снимала квартиру Литвинова, велела шоферу включить мигалку и сирену. Выйдя из авто, подняла голову и увидела в окне второго этажа женское лицо. «Ждет, как сказали, в 12.00, волнуется», – удовлетворенно подумала Мария, застегнула жакет строгого делового костюма и шагнула в суровый мир шпионажа. Мир, где не пьют martini и не гоняют на спорткарах. Мир, где ломают судьбы людей, которые случайно оказались в гравитационном поле товарища Грига.

Дверь, обитая дерматином, отворилась без звонка, и девушка жестом предложила войти. Маша, тоже молча, проследовала внутрь и, без приглашения сев за стол, поставила на него сумку, не спеша достала из нее очки в металлической оправе (без диоптрий, для солидности). Дождавшись, пока хозяйка присядет, сумку чуть передвинула, откашлялась и резко сменила темп.

– Нельзя же быть такой глупой, Ксения! Твой поставщик Артур давно под колпаком наркоконтроля. И, чтобы его самого не сцапали, сдает операм таких новичков, как ты. Это же была твоя первая сделка?

– Да-а, – заревела девушка.

– Отцу сообщила?

– Нет, мы с ним давно не общаемся. Узнает, убьет!

– Тебя убьют либо наркотики, либо их продавцы.

– Меня посадят! – слезы текли по щекам ручьями.

– Обязательно, хотя есть вариант.

– Какой? – проснулась надежда.

– Будешь помогать нам.

– Как это?

– Вести обычный образ жизни и приглядывать за бой-френдом из Америки. Запоминать, что, кто и где. Нас интересуют подробности его жизни и его безопасность. Оформим подписку о сотрудничестве. Или хочешь в СИЗО к убийцам и ворами?

– Не хочу, – пролепетала ошеломленная Литвинова.

– И правильно. Беги в туалет, а то описашься прямо здесь. И мордашку подкрась – тушь на ресницах поплыла.

Из ванной Ксения вернулась другим человеком, то есть внешне ничего не изменилось, только искорки в глазах потухли. Правда, подписываясь – сначала фамилией, потом кличкой «Марфута» – пыталась улыбаться, входя в новое амбула агентессы наркоконтроля (так она думала). Старая жизнь закончилась, начиналась новая, бурная и волнительная. Позже она покажется страшной, потом станет даже нравиться. Только проживет её не прежняя Литвинова, а человек, сломавшийся в ходе вербовки на компрометирующей основе с элементами психологического давления. Сможет ли вновь распрямиться и гордо поднять голову?

В машине Шпагина подключила видеокамеру, замаскированную в сумке, к плееру. Картинка и звук оказались четкими. Набрала Чудова.

– Заняло семь минут. Без проблем. Сразу согласилась.

– Быстро!

– А чего тянуть? Дуреха наивная, даже удостоверения не спросила. Не представляет, с кем будет сотрудничать.

– Не передумает?

– Дала подписку, имеется видеозапись беседы. Если что, пообещаем показать кино её друзьям-нацболам.

– Полагаешь, станет плотно работать по объекту?

– Повиснет на нем, как макака на баобабе.

– Давай без лирики.

– Извините, товарищ генерал.

Мария радовалась своей первой вербовке. За четыре года в разведке ей не приходилось заниматься этой, самой сложной, частью оперативной работы. Зато Чудов знал все аспекты, понимал, что склонить к сотрудничеству иностранца за границей значительно сложнее, нежели вербовать собственных граждан. Особенно в России, где избирательное применение закона делает уязвимым любого. Если же за дело берутся сразу несколько силовых ведомств, то им совсем просто сломить волю даже зрелого человека. Что уж говорить о едва оперившемся птенце из провинции. Ксении уготована роль одноразового соглядатая за Алехиными – младшим и старшим. Её даже не включают в агентурную сеть разведки: просто используют и бросят. И когда возникнут жизненные сложности, к кому она обратится? К контролеру, чьи настоящие фамилия и место службы ей неизвестны? Чудов не гордился подобной вербовкой. Хотя и стыда не испытывал: «Марфуту» не знал и знать не хотел. В одном не сомневался: Григу об агентессе

лучше не рассказывать – его реакция непредсказуема. «Размяк мой учитель, человеколюбие обуревают».

Алехин начинал злиться, что случалось не часто. Раздражало отсутствие идей по дальнейшему продвижению. И так, есть письмо Адмирала – значит, есть клад. Есть бюстик Ленина с датой – понятен временной период, когда «зачатка» спрятана. Но где и как? Поняв, что обрезание веток в саду не дает мозгу выйти на нужную догадку, отправился заниматься на тренажеры. Физическая нагрузка очистила голову от прежних тупиковых мыслей, и сознание совершило качественный скачок, родив новый ход. Раз неизвестно, «где и как», следует выяснить «что». Наверняка, Адмирал не стал бы тупо грузить чемодан долларами и зарывать в землю. Мог бы открыть секретные счета за границей, но не доверять банкам старый лис просто обязан в силу привычки. Да и кому бы открыл доступ к национальной зачатке? Даже Григу не намекнул на такую возможность.

Хитрец сперва должен был найти такие непреходящие ценности и такую их форму, чтобы они не пострадали при хранении и не девальвировались. Не исключено, что ему потребовался совет экспертов, причем в сжатые сроки. Вероятно, Адмирал использовал Оперативно-технический отдел разведки.

– Где мой волшебный мобильник? – разведчик выбрался из бассейна и нашел с виду обычный телефон, работавший по особым протоколам как в обычных сетях, так и закрытом сегменте спутниковой правительственной связи «Гонец». Пользователь мог использовать шифрацию разговоров или звонить с «разных» номеров, во всяком случае, у абонента они так определялись. Низколетящие спутники не требовали большой мощности передатчика и использовали секретную архитектуру пересылки сигналов. Доступна была и передача данных с компьютера. Система покрывала северное полушарие, включая районы, где вообще никакой связи не было. Для противника почти невозможно засечь местоположение и саму передачу.

– Игорь, подними данные на начальников ОТО главка в период 1990–1995 годов. Срочно.

– Секунду. Их двое. Один возглавлял отдел семь лет, ушел со службы в 1993. Второй на пять лет позже.

– Скинь мне их нынешние координаты.

– Добро.

Интерес представлял только первый кандидат – полковник Жданов. С ним приходилось контактировать по ходу давней операции в Афгане. Тот жил за городом, сдавая в наем московскую квартиру. Поселок «Солнечная поляна» состоял из множества крохотных участков по 6 соток, правление размещалось в дощатом сарае. Как и полагалось в СССР.

– Жданов у нас хронический неплательщик ЖКХ. Думаем свет и воду отключить, – устало жаловалась председатель ДСК. – А ему по барабану: только курит и пьет сильно. Боимся, как бы дом его не загорелся.

– Много должен? – поинтересовался Матвей, доставая бумажник.

– Три тысячи рублей, – не веря привалившему финансовому благополучию, ответила женщина. – Вас проводить?

– Спасибо, не откажусь, – включил обаяние гость. – С чего пьет-то?

По дороге к покосившемуся щитовому домику попутчица поведала, что семья бывшего чекиста погибла при захвате чеченскими террористами театрального центра на Дубровке – сначала от парализующего газа умерла дочь, затем от инфаркта – жена. Горечь утраты превратила энергичного и рукастого мужчину в пропойцу, утратившего интерес к жизни. Его видели лишь возле поселкового киоска со спиртным. Последний раз позавчера.

Кислый запах неухоженного жилья, провонявшего табачным дымом, ударил в нос, едва Матвей открыл незапертую дверь. Хозяин лежал на диване, прикрытый засаленной курткой. На приветствие не реагировал, единственный признак жизни – шумное и учащенное дыхание. При

ближайшем рассмотрении, кроме гнусного перегара, выявились и другие признаки сильного алкогольного отравления: бледная кожа, холодный пот, высокий и неровный пульс. Алехин приоткрыл веко – заметно расширенный зрачок не реагировал на свет.

Вытащив тело на свежий воздух, разведчик крикнул председателю, маячившей у калитки.

– Горчицу и нашатырь. Срочно!

Стакан теплой воды с разведенной горчицей вызвал неудержимые спазмы, перешедшие в обильную водянистую рвоту. Затем «пациент» начал мотать головой, отворачиваясь от ватки с нашатырем. С трудом удалось влить в него еще воды с добавлением того же нашатыря. Наконец, ресницы дрогнули и приоткрыли щелку.

– Я – Алехин. Узнаешь меня?

– Не-а.

– Как тебя зовут, помнишь?

– Не-а, – мутные глаза закатились внутрь.

В ведомственном госпитале, оказавшемся, к счастью, неподалеку, в Голицыно заведующий отделением интенсивной терапии печально покачал головой, когда посетитель спросил о перспективах.

– Хотелось бы надеяться на чудо, но оно маловероятно. Слишком запущенный случай. Сильная интоксикация. Следует ожидать, что откажут почки и печень.

– Ничего нельзя сделать? – Алехин видел: смерть уже распростерла мантию над сморщенным и состарившимся человеком. Его земной облик таял.

– Постараемся. Только сам не хочет бороться.

– Мне необходимо с ним поговорить.

– Невозможно. Больной совершенно отключился от нашего мира.

– Есть способ привести его в сознание хотя бы на несколько минут?

– Теоретически да, но это ускорит исход. Не возьму на себя ответственность. Лишь если руководство службы прикажет...

Матвей вновь связался с Чудовым.

– Зачем тебе нужен Директор? Его не подключали к операции, – засомневался тот.

– Вопрос не оперативный, а личный.

– Ладно, соединяю.

Руководитель разведки был сама любезность. Не задавая вопросов, тут же приказал врачу сделать «невозможное». Прощаясь, пригласил товарища Грига поужинать прямо сегодня: «Мы же не виделись после вашего возвращения из Афганистана. Обменяемся впечатлениями. Скажем, часиков в восемь. Место сообщу позже, где-нибудь поблизости от вашей берлоги».

Получив санкцию, заведующий отделением вызвал реаниматоров. Скоро Жданов ожил. Медики вышли. Посетитель склонился над койкой.

– Алехин Матвей Александрович. Мы встречались в 1988 году. Узнаешь?

– Нет.

– Ты тогда сделал мне фотоаппарат-бомбу.

– Фотоаппарат, да.

– Помнишь Адмирала?

– Адмирала, да.

– Он поручал тебе придумать, как спрятать нечто очень ценное?

– Не помню.

– Что-то необычное в 1991 году Адмирал заказывал?

– Мешки.

– Какие?

Жданов застонал и отключился. Заведующий вернулся в палату с озабоченным видом.

- Вы видите, мозг затуманен. Не скоро придет в сознание.
- Он вроде бы не узнал меня.
- Скорее всего, нет. *Hippocampus* уже не функционирует, мозг не способен усваивать и анализировать новую информацию. Даже зрительные образы. Например, ваше лицо.
- Однако кое-что вспомнил. Из прошлого.
- Длительная информация хранится в префронтальной коре. Её молекулярные механизмы памяти разрушаются из-за интоксикации не столь быстро.
- Если попробовать вновь, скажем, завтра?
- У него плохие показатели, сожалею, – нахмурился доктор, предвидя очередное ухудшение статистики по отделению. Хотя смертность в России и так высока. В том числе от цирроза печени – пьянство убивает мужчин, не щадя и отставных чекистов. – Если переживет ночь и сам на утро очнется, то шанс появится. А вообще, его может спасти только желание жить.

В больничном парке на Алехина накатила печаль за старого коллегу, которого едва успел застать в живых. Других результатов поездки в «Солнечную поляну» не принесла. Разве что упоминание о мешках, если это не плод белой горячки. Тут *гиппокамп* Матвея продемонстрировал, что шустро способен переваривать новую информацию, и разведчик, сев в «мерседес», поехал не на автомойку – отчищать рвоту Жданова с заднего сидения, а на север, к даче Адмирала. Там находилась его дочь, ожидающая потенциальных покупателей. Скромные размеры участка, дряхлость домика и близость к взлетно-посадочным полосам «Шереметьево» не обещали скорой продажи наследства.

– Помните меня? Я – сослуживец вашего батюшки. Извините за беспокойство, мне поручено кое-что проверить в связи с письмом Адмирала. Как вам удалось его передать Президенту?

– Добрый день. По-моему, мы с вами встречались после смерти отца, – женщина по привычке орала, стараясь перекрыть шум от очередного авиалайнера, над головой заходящего на посадку. – Я случайно встретила Администратора на похоронах общего знакомого. Так оно дошло до адресата?

– Да. Еще вопрос: вы передали мне тогда сувенир от Адмирала, скажите, оставлял ли он что-то еще кому-нибудь?

– Нет, отец стал очень замкнут после отставки, последние годы даже со мной не общался.

– Скажите, а мешки у него остались?

– Что вы. У него не было никаких мешков. Хотите чаю?

– С удовольствием, – согласился разведчик, которому требовалось взглянуть на логово бывшего шефа.

Зрелище вызывало чувство стеснения за Родину, чей верный сын, руководитель разведки провел остаток лет в крайне стесненных условиях. Жилище имело два плюса: электричество и кустарное газовое отопление. Колодец и «удобства» во дворе соседствовали с кустами смородины и парой яблонь. Внутри, если не считать веранду с одинарным остеклением, лишь две комнаты: кухня-столовая и кабинет-спальня. Обставленные случайной мебелью, они казались киношной декорацией о тяготах жизни в СССР. Правда, имелось несколько страшненьких поделок из дерева – явно сам вырезал, и с дюжину книг. На стенах висели старые фотографии кораблей, вероятно, имевшие ностальгическую ценность для Адмирала.

– Не стесняйтесь, осматривайте, пожалуйста, – молвила вошедшая с двумя разными чашками и пачкой печенья хозяйка. – Только документов никаких нет. У отца провели обыск сразу после его отставки, всё перерыли. С тех пор он ничего не писал и не хранил. Мне оставил московскую квартиру, здесь я давно не была. Решила продать: нужны деньги на учебу внучки в заграничном университете.

Покидая поселок, оперработник мучился сумбуром чувств. Что-то волновало совесть, что-то порождало сомнение. По соседству гастарбайтеры из Средней Азии заняли заброшен-

ный пионерлагерь под жилье с пестрыми одеялами на веревках и босоногими детьми. Увидев образовавшийся «кишлак», решительно развернул автомобиль.

– Есть предложение, – заявил удивленной дочери Адмирала, – дело идет к осени, и вам трудно будет продать дом до зимы. Наша служба даст вам займы деньги, а когда продажа состоится, вы их вернете. Какова цена обучения внучки в первом семестре?

Сумма впечатляла, однако государство было в долгу перед Адмиралом. Договорились быстро. Алехин подвез хозяйку до метро. И тут старший опергруппы вышел на связь и доложил, что товарищ Чудов приказал «поступить в распоряжение Матвея Александровича».

– Отлично, Старшой. Записывайте адрес. Ключ под застрехой колодца. Немедленно проведите обыск домика и садового участка. Работы немного, сделайте тщательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.